

ФЕВРАЛЬ 2/88

Совесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР. ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 Г.

70 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
СОВЕТСКИХ
ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ

во всех школах Венгрии. Конкурс в училище такой же, как в театральный институт. За три года у подножия горы Матра был построен современный учебный центр. Помимо государства, в его создание вложили средства областной совет депутатов трудящихся и предприятия, заинтересованные в специалистах лесного хозяйства. Сейчас здесь прекрасно оборудованные кабинеты биологии, химии, физики, лесного и охотничьего хозяйства, механические мастерские, уютные общежития. Все преподаватели имеют высшее образование. Помимо управления различными машинами и механизмами для вырубki и транспортировки леса, ребята учатся уходу за лесом, его восстановлению на вырубках, охране животных. Как полагает директор училища, экологическое направление вызывает особый интерес у молодежи и объясняет популярность этого учебного заведения.

ПРАГА. Областной исторический музей в чехословацком городе Млада-Болеславе готовится к весенним школьным каникулам. Юные историки, помогающие в краеведческой работе музея во время каникул, разыграют эпизоды истории своего края. Ребята готовят доспехи рыцарей, девочки — форму сестер милосердия. Сцены будут разыгрываться на окрестных холмах, а зрителем станет весь город. Такие каникулы стали традицией в этих местах.

ДАМАСК. Рассказывают, что в приморских городах Сирии в начале нашего века русский язык был вторым официальным языком. Сейчас интерес к русскому языку вновь небывало вырос. За последние тридцать лет советские вузы закончили свыше пяти тысяч сирийцев, около четырех тысяч учатся сейчас. Для многих это единственная возможность получить высшее образование. В Советском культурном центре в Дамаске уже двадцать лет работают курсы русского языка. Здесь занимаются и будущие студенты, и специалисты, которым нужна советская научная литература, и те, кто увлекается культурой народов нашей страны. Курсы русского языка работают в одиннадцати городах Сирии.

ЛОНДОН. Газета английских коммунистов «Морнинг стар» обратилась к читателям с призывом спасти берега и пляжи, спасти их для детей, чтобы они могли плескаться в море, строить песчаные замки, играть в мяч. Над берегами Британских островов нависло две угрозы: загрязнение и приватизация, то есть переход участков пляжей в частное владение. В основных туристских местах уже не осталось и клочка побережья, не огороженного заборами.

ПХЕНЬЯН. В Корейской Народно-Демократической Республике родилось общенациональное движение за охрану природы. Действует правило: «Срубил дерево — посади десять». За школами, кооперативами, учреждениями закреплены участки леса или парка. После работы с граблями и лопатами молодежь отправляется на свой уча-

ДЖАКАРТА. На тихой улице столицы Индонезии стоит небольшой дом — это Культурный и информационный центр ЧССР. По вечерам здесь собирается несколько десятков индонезийцев, они знакомятся с жизнью социалистической Чехословакии, о которой рассказывают самые разные выставки, организуемые центром. Три раза в неделю работают курсы чешского языка, где занимаются студенты, школьники и люди постарше. Зачем нужен в далекой Индонезии чешский язык? Как считают преподаватели, сотрудницы посольства ЧССР, немалое значение имеет то, что курсы

бесплатные, в этой стране любое обучение требует больших денег. Изучающие чешский язык надеются, что это знание может открыть перед ними перспективы в поисках работы, а с работой трудно, число безработных составляет 30 процентов взрослого населения. На снимке: молодые ремесленники Джакарты торгуют своей продукцией.

БУДАПЕШТ. Заканчивается первый учебный год в среднем специальном профессионально-техническом училище лесной промышленности в поселке Матрафюред, а знают о нем, пожалуй,

сток — сохранить и умножить красоту родины.

КАНБЕРРА. В нынешнем году Австралия отмечает 200-летие поселения европейцев на континенте. В январе 1788 года британские корабли привезли первых поселенцев — каторжников, которым предстояло колонизовать недавно открытый материк. За эти двести лет число коренных жителей, аборигенов, сократилось примерно вдвое: в первые годы на них устраивали облавы и охотились как на диких зверей, сегодня они медленно вымирают: безработица, плохое питание, скверные гигиенические условия в их поселках, алкоголизм. Иногда такое отношение властей к аборигенам называют «тихим геноцидом». Накануне двухсотлетия правительство Австралии заявило, что пора найти «взаимопонимание с аборигенами, выслушать их требования», найти пути «ликвидации расовой несправедливости». Создана комиссия, задача которой подготовить проект закона, защищающего права аборигенов. Намерение правительства вызвало недовольство: 52 процента белых австралийцев заявили, что это «напрасная трата времени и денег». Сами же аборигены опасаются, что им достанутся лишь крохи юбилейного пирога, а пройдут торжества, и их снова забудут. А пока нищета и бесправие приводят их за решетку: в тюрьму аборигенов часто сажают не за нарушение закона, а «ради профилактики» (с н и м о к в в е р х у).

НЬЮ-ЙОРК. В университете штата Нью-Джерси прошел трехнедельный семинар, посвященный проблемам лечения алкоголизма и наркомании. В нем приняли участие американские и советские врачи, а также члены общественной филантропической организации «Анонимные алкоголики». Медики едины в своем мнении, что заболевшему алкоголизмом самому не справиться со своим недугом, он нуждается в лечении, реабилитации и впоследствии в поддержке родных и близких, чтобы вернуться к нормальной жизни. Советские врачи посетили клиники, где оказывают помощь таким больным, ознакомились с опытом организации «Анонимные алкоголики», члены этой организации посетили Советский Союз. Как

пишет журнал «Тайм», американская сторона считает прошедшую встречу первым шагом во взаимном плодотворном сотрудничестве.

КАБУЛ. Политика национального примирения вступила во второй год. Привычными стали сообщения о тысячах кишлаков, освобожденных мирным путем, о беженцах, возвращающихся домой, о сотнях и тысячах душманов, согласившихся на перемирие или сотрудничество с народной властью. Сегодня Народно-демократическая партия Афганистана делает все, чтобы довести политику национального примирения до успешного завершения: объявление о прекращении огня в одностороннем порядке, амнистия заключенным, указы о возвращении собственности вернувшимся на родину афганцам, об обеспечении их работой, об отмене задолженности по налогам, указ о регулировании земельно-водных отношений. Государство взяло на себя расходы по содержанию теологического факультета Кабульского университета и двадцати медресе. Впервые в истории страны создан исследовательский и педагогический исламский центр.

Кто же они, те, кто продолжает братоубийственную войну? Контрреволюционные группировки получили в общей сложности от США четыре миллиарда долларов, на территории Пакистана находятся их базы. Это они вместо взаимных мирных шагов продолжают боевые действия, диверсии против мирного населения. И все же год политики национального примирения принес зримые плоды: сделаны важные шаги к мирной жизни.

МОСКВА. Две знаменательные даты отмечает в феврале нынешнего года советский народ. 70-летие с начала массовой мобилизации революционных сил на защиту социалистического Отечества, ознаменовавшей рождение Советских Вооруженных Сил, и 45-летие ликвидации немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. На первой странице обложки снимок из фотоальбома «Великая Отечественная. 1941—1945». «Прошу принять меня в ряды ВКП(б)», — пишет пулеметчик в минуту боевого затишья.

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Романо Джакетти. О ТЕХ, КТО ВЕРНУЛСЯ ИЗ АФГАНИСТАНА
8. А. Поликовский. «МЫ НАПУГАЛИ ИХ НЕПЛОХО»
10. Тодд Брюстер. ПОЧЕМУ?
12. Жан-Луи Дегодензи. НЕ ОТВОДИТЕ ГЛАЗА!
15. МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ
18. Брюс Вебер. ОДИНОКИЕ ВДВОЕМ
20. Тимоти Зан. ПЕШЕЧНЫЙ ГАМБИТ
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Морис Шевалье. СОВЕТЫ МАЭСТРО
28. Мартин Плиммер. ГИТАРИСТ
29. Серджо Дзаволи. ПРИВЕТ, ФЕДЕРИКО!
29. Федерико Феллини. КАК Я БЫЛ НАТУРЩИКОМ
30. Вадим Черняк. МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНА

Ровесник ^{2/88}

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия:
В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ,
Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ,
С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ,
С. Н. ЧЕЛНОВ

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
Анисимова А. Л.
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 3.12.87. Подписано в печ. 13.1.88. А00904. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 400 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 295.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушевская ул., 21.

трите

Эти фотографии вернувшихся на Родину советских ребят, выполнявших свой интернациональный долг в Афганистане, итальянский журнал «Эпока» предпослал статье своего корреспондента Романо Джакетти, перевод которой с незначительными сокращениями публикуется на следующем развороте. Взгляд представителя буржуазной прессы обращает внимание не только добросовестной попыткой познакомить итальянского читателя с тем, как воспринимают советские люди события в Афганистане, как в обстановке гласности советская печать отражает мнение общественности по поводу случаев недостаточно чуткого отношения к воинам-интернационалистам, но и характерным непониманием интернационалистского сознания советской молодежи, ее искреннего стремления оказать помощь соседнему народу, вступившему на путь революционных преобразований.

«Равнодушие и безразличие — вот что иногда находят советские ребята, возвращаясь из Афганистана. Об этом пишет даже «Правда», орган ЦК КПСС»... Что хотел подчеркнуть итальянский журналист, начиная этой фразой свою статью? Равнодушие? Или возмущение на всех уровнях нашего общества каждым случаем такого равнодушия к советским ребятам, возвращающимся из Афганистана? Хочется верить — второе, ибо это правда.

О ТЕХ, КТО ВЕРНУЛСЯ ИЗ АФГАНИСТАНА

Романо Джакетти,
корреспондент
итальянского журнала «Эпока»

Равнодушие и безразличие — вот что иногда находят советские ребята, возвращаясь из Афганистана. Об этом пишет даже «Правда», орган ЦК КПСС, которая обвиняет в бюрократии, в равнодушии к тем, кто вернулся из Кабула. Газета добавляет: «Складывается впечатление, что наши солдаты только и делали, что сажали деревья дружбы. Мы точно стыдились писать, что наши ребята умирали в Афганистане»!

Советские люди убеждены, что никакая война не может быть забыта. Именно поэтому ветераны Афганистана собрались в одном из крупнейших московских парков. Иван Б., прежде чем отправиться в Афганистан, любил играть на гитаре. Теперь он больше не играет: вместо рук у него две культи. На гитаре играет его товарищ. Другие слушают. Звучат песни, некоторые танцуют. Это веселятся вернувшиеся с войны «афганцы». Они собрались здесь, чтобы ничего не забылось.

Другой ветеран говорит в микрофон горькие слова, которые тут же транслируются по столичному телевидению: «Я сражался за мою страну, исполнял свой долг. Теперь я вернулся в комнатушку четыре на четыре метра, где живу с женой и сыном. Мне нужно жилье». На лице этого человека, еще

совсем молодого, видны следы пережитых испытаний. Но он говорит: «Я доволен, что мне пришлось воевать».

А как же погибшие? Офицеры, расстрелянные на пакистанской земле? Кто их вернет? И о них вспоминают в телевизионных передачах в рамках перестройки. О них говорят на собраниях Советов ветеранов, в деревнях на Кавказе, на Заполярных островах. Советские люди не забывают. Они не хотят ничего забывать. Один из «афганцев» говорит: «Западная пресса много писала об этой войне. Она пролила слезы о судьбе беженцев, попавших в Пакистан и Иран. Она много говорит о намерениях и тактике душманов, объясняя, как им удастся просачиваться в Кабул. Западные журналисты пишут даже о том, как живут наши солдаты. Но разве они могут увидеть эту войну глазами советского солдата».

«У каждого из нас своя история», — говорит один из ветеранов. Другой добавляет: «Писали, будто в Афганистан посылают только русских, но это неправда. Танкисты, например, по традиции почти все узбеки. Так было во вторую мировую войну, так и теперь в Афганистане».

На Западе дело представляется так, что, не считая небольшого количества добровольцев, основной состав совет-

ских войск в Афганистане находится там потому, что его туда послали.

«Так представляют себе на Западе наши вооруженные силы, — говорит генерал Иван Панов, главный редактор «Красной звезды». — Но это не так. В нашу редакцию приходят сотни писем от молодых людей, которые просят, чтобы их послали сражаться в Афганистан. Это может показаться высокопарным, но у нас так принято: когда Родина поднимается на борьбу, никто не стоит в стороне». Даже если речь идет о «кровоточащей ране», как выразился М. С. Горбачев? «Мы должны защищать себя», — отвечает генерал.

Встречаясь, ветераны делятся впечатлениями. Они собираются не только в Москве, но и в Иркутске, Таллине, Киеве, Ленинграде. Только, возможно, там их меньше. Как и ветераны второй мировой войны, они носят свои награды. Они приезжают в Москву, вспоминают Афганистан. Иногда в передачах радио и телевидения звучат их приветствия товарищам, которые еще воюют, несмотря на перемирие, провозглашенное в целях национального примирения. Да, несмотря на объявленное правительством перемирие, в Афганистане все еще рвутся бомбы, а оружие изрыгает огонь и смерть.

Конечно, труднее всего приходится 6

народу Афганистана, но и на долю тех советских парней, которые вернулись домой, выпало немало испытаний. Недавно в «Правде» была опубликована статья, где приводились читательские письма-отклики на рассказ о судьбе троих солдат. Эти солдаты вернулись из Афганистана и встретили дома всеобщее безразличие. «Невозможно поверить, что парню, вернувшемуся без ноги, не хотят предоставить квартиру на первом этаже»², — пишет один из читателей.

Читатели протестуют против искажения некоторыми врачами понятия «инвалид войны». Один ветеран пишет: «Нельзя забывать, что недавно приняты новые законы, в частности закон о жилье. «Афганцы» имеют право на внеочередное получение государственной квартиры, их должны принимать в вузы вне конкурса, им должен предоставляться отпуск в любое время года»³.

Еще более серьезно звучит такое критическое замечание: «Невозможно понять: почему на надгробных плитах, устанавливаемых за государственный счет, нельзя написать «Солдат-интернационалист, погибший при исполнении своего долга». Может быть, когда война еще идет, мы уже стараемся забыть ее?»⁴.

Говорят сами «афганцы». Владимир Крупин, крепкий парень невысокого роста. Он кажется старшим на этом собрании. Взгляд серьезный, сосредоточенный. На груди у него орден Красной Звезды. Он был одним из первых десантников-парашютистов, которых направили в Афганистан. Вкратце он рассказал свою историю: «Я получил приказ прикрывать автостраду, по которой отходили мои товарищи. Был четыре раза ранен — и в руки и в грудь, — но продолжал стрелять до последнего патрона. Потом, на счастье, прилетели вертолеты поддержки. Меня переправили в Ташкент, где мне сделали операцию. Теперь я работаю на строительстве. Мы строим мосты через реки. Моя работа требует силы и мужества».

Другой парень, Сергей Низиурский, тоже орденосец, вспоминает: «Мы должны были уничтожить базу душманов, но наш вертолет подбили, и он стал падать. У меня был сломан позвоночник, но я стал стрелять вместе со всеми. «Духи» приближались, стреляли как бешеные, они вообще хорошо вооружены. В госпитале я поправился. Но возвращаться к нормальной жизни все равно трудно. На войне, по крайней мере, понятно, где враг, а где свой. Мне это нравится. Сейчас я женат, работаю на заводе. Думаю поступить в Высшую школу милиции, хочу продолжать бороться со злом».

Григорий Кукушкин, 20 лет, пробыл полтора года в Афганистане. Вот уже три месяца он дома, спокойно говорит о жизни и смерти. «Подниматься в гору с полным вооружением и обмундированием — дело нелегкое. Жара стояла страшная. А в горах стреляют, все время стреляют». Он говорит также о

«стингерах» и «блоупайпах» американского производства, об итальянских минах в форме термосов, зажигалок, часов, шариковых ручек, магнитофонов. «В такой термос можно налить чай, и все как будто в порядке, а потом он возьмет и взорвется. Такую штуку может изобрести только дьявольский ум».

Я заметил ему, что некоторые газеты писали, будто русские первыми применили такие мины. «Да ты что! — солдат взглянул на меня удивленно-иронически. — Зачем нам делать местное население врагами? На это хватает душманов. Для нас враг — это тот, кто воюет с нами с оружием в руках. Лично я хотел бы стать учителем физкультуры. Я поведу в горы своих учеников, чтобы они дышали свежим воздухом и росли здоровыми. Я пойду с ними в горы, где никто не стреляет».

Возможно, это вполне искреннее свидетельство, но ясно и другое. После любой войны ветераны с трудом втягиваются в нормальную жизнь. «Возвратиться к нормальной работе вместе со всеми не так-то просто, — говорит Владимир Н., парашютист, прошедший в Кабуле два года. Сейчас он работает в одном из центров по подготовке десантников. — В Джелалабаде погибли все мои товарищи по взводу».

У него ни разу не возникло чувство, что эта война несправедлива? Он ни разу не слышал слова «захватчик»? «Не мне судить о стратегических планах нашего командования. Я только знаю, что на Западе неверно представляют эту войну. Они рисуют ее как слишком партизанскую. Например, они ошибаются, когда говорят, будто наши подразделения из Средней Азии сражаются неохотно».

Этот человек утверждает, в противоположность тому, что говорят на этот счет западные, в том числе итальянские, корреспонденты, что советские войска в Афганистане включают не только русских и украинцев. Там есть армяне, грузины, узбеки. «В Советском Союзе говорят на ста языках, — объясняет нам Сергей Баруздин, главный редактор журнала «Дружба народов». — Это своего рода Вавилон — и языковой, и культурный. Но когда приходится воевать, мы — единый народ».

Геннадий Бутлеров недавно вернулся из Кабула. На морском параде на Неве в Ленинграде он рассказывал: «На наши войска в Афганистане обрушиваются 107-миллиметровые снаряды. Американские «стингеры», которые имеются в распоряжении душманов, тоже не шутка. А вы там, на Западе, продолжаете толковать о «священной войне», где коммунизм противостоит мусульманству». Но ведь сам Горбачев говорил, что Советский Союз очень хотел бы уйти из Афганистана. «Это так, — отвечает ветеран, — но не ценой капитуляции перед западным оружием».

Там же, в Ленинграде, парень 21 года сказал нам: «Я недавно женился, и в день свадьбы мы с женой отнесли цветы на Пискаревское кладбище. Там

похоронено 470 тысяч ленинградцев, убитых фашистами. Я хочу быть достойным их и поехать сражаться в Афганистан, как многие мои товарищи». Ему не страшно умереть? «Конечно, умереть всякому страшно. Но мир имеет самую высокую цену».

Перевела с итальянского
Т. ВОЕВОДИНА

В сносках к приведенным Романо Джакетти цитатам из «Правды» за 4 апреля и 5 августа 1987 года дается их точный текст:

¹ Не хочется вспоминать, но ведь было — в газетах писали тогда об аллеях дружбы, которые высаживали советские солдаты в Афганистане...

² И больно было слышать: парню, потерявшему в бою ноги, отказывают в квартире на первом этаже.

³ Да что говорить, даже сейчас среди нашего брата есть такие, кто не знает, что для нас установлены определенные льготы — на первоочередное получение квартиры, внеконкурсное поступление в учебные заведения, на отпуск в удобное время.

⁴ Не могу понять, почему на памятниках, которые, кстати сказать, устанавливаются за государственный счет, нельзя написать, что солдат погиб, выполняя интернациональный долг? Не потому ли на многие эти могилы не приходят школьники? Как же мы будем воспитывать будущих воинов-интернационалистов? Такое приходит на ум, что мы уже сейчас, когда война эта все еще продолжается, стараемся вычеркнуть ее из нашей памяти...

МЫ НАПУГАЛИ ИХ НЕПЛОХО

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Ральф Дервенкус: машина ростом в метр девяносто, человек с широкой грудной клеткой и мощными руками, ладони которых обширны и пышут теплом (это чувствуешь при рукопожатии). Грудь его выпирает вперед, все движения исполнены плавной, медвежьей неуклюжести. Он носит свитер и светлые, просторные в шагу, свободно свисающие штаны, образующие складки над туфлями сорок четвертого или сорок пятого размера. На его полном, круглом лице постоянно полуулыбка, которой он как будто оповещает всех вокруг о своей добродушной, не склонной к агрессии силе. Он ходит, поворачивается и двигает руками с той осторожностью, что свойственна людям, опасаящимся ненароком разбить что-нибудь хрупкое рядом с собой. Его полуулыбка говорит: «Ну, что же делать, что я такой неуклюжий... Бывает».

«Ральф, мы могли бы встретиться и поговорить?» — спросил я его в половине двенадцатого ночи, когда на той стороне провода наконец подняли трубку. Он остановился в гостинице «Москва». Целый день его номер не отвечал. «Само собой разумеется», — отвечал Дервенкус с флегматичным спокойствием, нисколько не удивляясь позднему звонку. — «Во сколько вы будете? Я собираюсь скоро идти спать». То есть (понял я) он был готов встретиться и сейчас, в полночь. В его быстром, нерассуждающем согласии было осознание себя как политика, то есть как человека, который, в некотором роде, находится в распоряжении публики и прессы. «Можно договориться на завтра». — «Хорошо. Завтра в семь тридцать утра», — назначил он, верный своему типично немецкому распорядку дня: ранний подъем, ранний завтрак, раннее начало работы...

Я знал о нем немного. Знал, что он председатель Социалистического союза молодежи имени Карла Либкнехта, из Западного Берлина. Знал, что незадолго до приезда в Москву он участвовал в столкновении с неонацистами, попал под суд, получил четыре месяца тюрьмы и подал на апелляцию. Вот и все. Мы сели в кресла напротив друг друга, и он, опершись локтями на колени, сцепил свои широкие ладони и выжидающе посмотрел на меня. Я спросил его о том, как он стал профессиональным политиком. Как ни странно,

этот вопрос несколько озадачил его. «После школы я пошел работать в управление железных дорог. Учеником электромонтера, — сказал Дервенкус. — Несколько месяцев проходил в учениках, потом работал сам. В поездах, на вокзалах, в депо масса электротехники. Там я познакомился с несколькими парнями, взгляды которых оказались на удивление близки моим. Они были членами Социалистического союза молодежи имени Карла Либкнехта. Я тоже вступил в Союз...» Он пожал своими могучими плечами, не зная, что добавить еще. Не было черты, которая резко отделяла бы Дервенкуса-электромонтера от Дервенкуса-политика; не было двух граничащих дней, в одном из которых он был бы еще парень-как-все, а в другом стал бы уже общественным деятелем, оратором, организатором демонстраций. Политик прорастал в нем, день ото дня и от месяца к месяцу занимая в нем все больше места. «В Союзе я занимался тем же, что и все. У нашего Союза четыре направления деятельности. Первое — это борьба за мир. Второе — борьба за то, чтобы у всех молодых людей в Западном Берлине было право на труд. Третье — солидарность с теми, кто в других странах ведет борьбу против империализма. Четвертое — антифашистская работа». Но это — сухой язык документов и газетных отчетов, а в жизни эти «четыре направления деятельности» складывались из ежедневных хлопот и дел, которым он отдавал все больше и больше времени. Он ходил на собрания членов Союза. Сюда сходились такие же рабочие парни, как он (рабочие, несмотря на то, что многие из них не имели работы), и обсуждали ближайшие выборы и возможные последствия ядерной войны, поведение мастера в депо и речь канцлера Коля в бундестаге, смысл существования Союза и маршрут назначенной на среду демонстрации за мир, с уточнением мест сбора и лозунгов. Он выступал на митингах, поднимался на трибуну, к микрофону — тяжелый, даже грузный парень с пышной светлой шевелюрой — и говорил о том, что все разговоры бессмысленны, если «мы позволим разразиться войне». Это прежде всего Западный Берлин, город, живущий на границе двух военных блоков, будет раздавлен в первый же час любого военного столкновения, как орех

меж скребков двух наезжающих друг на друга бульдозеров. О чем еще? Он выступал десятки раз, всех слов не вспомнишь, но «это было то, что волнует молодых людей во всем мире. Солидарность с Никарагуа, например... Или наши местные проблемы. Ложь политиков, говорящих о справедливости и очень мало делающих для того, чтобы создавать новые рабочие места для выпускников школ...» В общем, скоро он стал одним из немногочисленных функционеров Союза. Теперь он мог заниматься тем же, чем занимался все послешкольные годы — но только отдавать этому делу не только свободные от работы вечерние часы, а все время дня — с утра до вечера... За это удовольствие, конечно, надо было платить, и Дервенкус со смехом сказал об этом: «Как электромонтер западно-берлинских железных дорог я получал 8

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МОЛОДЕЖНЫЙ ЛИДЕР ЗА РУБЕЖОМ

гораздо больше, чем сейчас как председатель Союза...»

Работа была та же — и все-таки другая. Переход в профессиональные политики, не меняя ничего ни в его характере, ни в привычках жизни, все-таки изменил его самоощущение и качество его мыслей. Раньше он был один из многих, молекула в потоке демонстрантов. Теперь он — он лично — отвечал за то, насколько эффективно проводятся в жизнь решения, выработанные членами Союза. Он должен был мысленно как бы приподняться над жизнью, чтобы видеть пер-

ничего не стоит, если не связана с жизнью приводными ремнями — ремнями, которые хорошо и плотно облегают колеса и заставляют крутиться их без остановки. Такой образ близок и понятен ему, электромонтеру, не раз видевшему, как в глубине мотора крутится блестящий от смазки вал и сливаются в круг лопасти охлаждающего вентилятора: символ эффективной мощи и рациональной работы с высоким КПД. «Но для того чтобы работать эффективно, как хороший электродвигатель, я должен понимать, в чем специфика моей деятельности... По боль-

а иначе — скука и отток сил из Союза...»

Молодежь, как поле деятельности и как действующая сила — какова она? Она нетерпима ко лжи и противится лжи своими собственными средствами, которые взрослые часто воспринимают как «хулиганство». «Все движение панков — протест против буржуазной лжи, — говорит Дервенкус. — Панк — это молодой человек, чаще всего из рабочей семьи, протестующий против социального обмана. С детства ему твердили о справедливости, о благосостоянии, о правах и возможностях, — а он шагнул в жизнь и увидел, что никому не нужен. Он может жить, может умереть — обществу все равно. И панк против такого общества. Мы, члены Союза, идем к панкам и говорим: «Мы тоже против такого общества. Но мы не только против чего-то, но еще и за что-то, — говорит Дервенкус. — То есть мы продвинулись на шаг дальше их и хотим, чтобы они пошли вместе с нами...» Все общественные противоречия молодежь воспринимает острее и болезненнее, чем взрослые. Свойство молодежи — драматически воспринимать мир. Это ее сила и слабость. Реальный политик не может с этим не считаться. Идет ли речь о гонке вооружений, об ответственности за прошлое, о праве на работу — молодые люди склонны к четким, категоричным выводам. Отсутствие таких выводов они воспринимают как трусость и ложь. Это значит, что «молодежный политик» должен избегать уклончивых фраз и туманных формулировок — чем проще и яснее, тем лучше. Он должен точно знать, за что он и против чего — и с этим знанием безбоязненно идти в самую гущу жизни, туда, где все бурлит и кипит, туда, где подавленные желания прорываются дикими формами протеста и где каждый спор серьезен как ножевая драка. И он должен идти к молодежи, не боясь ни раскрашенных голов, ни бритых голов. На это нужно мужество. Это мужество состоит в том числе и в том, чтобы не дать облепить себя вековым, самолюбием тешащим представлением о политике как о человеке исключительном: ничего исключительного в тебе нет, ты такой же парень, как Ганс и Пауль, которые днем вкалывают на заводе, а вечером, натянув кожаные куртки, пугают прохожих, пристают к девчонкам или гоняют на мотоциклах. Забыл о кровном своем родстве с ними — стал мертв, как никому не нужный труп.

Но и это философия политики, а в чем же выражается сама политическая деятельность Ральфа Дервенкуса, в каких ежедневных делах? «Быть политиком, — говорит он, — это такая же ежедневная работа, как быть учителем или рабочим. Каждый день в восемь тридцать я прихожу в нашу штаб-квартиру. Каждое утро секретариат. Один из секретарей (тот, кто дежурит эту неделю) делает обзор всей прессы. Особо интересные статьи уже размножены на ксероксе и лежат перед каж-

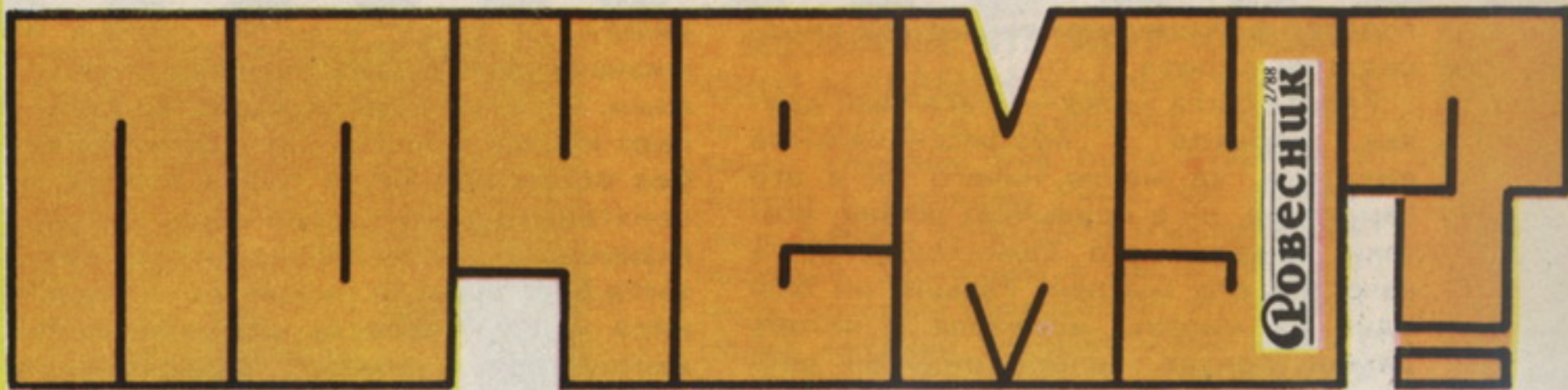

спективу дальше других, чтобы угадывать в будущем то, что созревало в настоящем. Это что касается стратегии Союза. Раньше он предлагал лозунги, а теперь он из обилия предложенных должен был выбрать те два или три, которые точно бьют в цель. «Не имеет смысла выдумывать лозунги. Выдуманный лозунг — мертвый лозунг. Политик должен почувствовать, что у людей на сердце, а что, возможно, еще только зреет в них — и выразить это подспудное желание в виде лозунга, призыва, тезиса, речи. Объяснить людям их самих. Дать им ощущение цели...» Так Ральф Дервенкус понимает свою работу, если говорить о ее психологических основаниях (о чем он, кстати, говорить не любит, но говорит, подчиняясь вопросам, — раз надо, раз требование момента в том, чтобы объяснить это, — он готов...). Но, опять же, вся эта теория

шуму счету, на уровне общих целей и программных документов, «молодежная политика», может быть, и не отличается от «взрослой», но в конкретной работе, в акцентах, в методах — очень сильно. Не осознав этого, успеха не добьешься... Я должен знать жизнь молодежи Западного Берлина. Должен чувствовать ее психическое состояние — подавлена она или, наоборот, на взлете. Должен ориентироваться в группировках, течениях, направлениях, которых среди молодежи всегда много и которые быстро сменяют друг друга. Должен четко знать, с какими течениями возможен союз, а с какими — ни при каких условиях. Особенное внимание должен обращать на сугубо молодежные проблемы (наркомания, безработица...). Должен искать те методы работы, которые интересны молодежи,

дым из нас... Потом веду ежедневную обычную работу. Встречаюсь с людьми, выезжаю в районы. В каждом районе у нас есть свои активисты. Готовим демонстрации. Обсуждаем программу с музыкантами — в Союз входят несколько рок-групп».

...В Западном Берлине есть пивная «Шпрее-экс», что можно перевести как «Угловая у Шпрее». Здесь Социалистический союз молодежи имени Карла Либкнехта провел акцию, о которой Ральф Дервенскус говорит с улыбкой удовольствия, несмотря на то, что получил за нее четыре месяца тюрьмы. В пивной с некоторых пор стали собираться неонацисты — молодые парни, носящие майки со свастиками, значки с изображением Гитлера и перстни с эсэсовскими черепами. Кто они? «Откуда я знаю? — Дервенскус пожимает плечами с тем презрительным видом, какой бывает у человека, не желающего мараить себя разговорами о последних подонках. С этими он — единственными, может быть, из всей городской молодежи — вести разговоры не хочет, ибо о чем тут говорить? — Если они ничего не поняли из истории, ничему не научились, то разговоры тут не помогут. Их надо иначе учить». И вот что тут еще оскорбительного для любого нормального немца, у которого не отсохла историческая память: именно в пивной Гитлер начинал свой путь к власти. Новый Гитлер, новые пивные? «Мы собрали человек триста, — рассказывает Дервенскус. — Перед их пивной. Не только члены Союза были там. Люди из других организаций тоже пришли, прохожие присоединились: все, кого возмущают эти... (лицо его опять приняло презрительное выражение). Собрались, стоим». По улыбке его можно понять, что вся ситуация ему нравится — ситуация, когда дело дошло до прямого столкновения, когда, может быть, придется пустить в ход кулаки, поработать руками, которые сейчас, когда мы говорим, сцепившись пальцами, тяжело висят у коленей. Тельман — любимый герой Ральфа Дервенсуса, и вся эта затея вполне в тельмановском духе; Тельман ведь тоже был здоров как бык и с трибуны показывал хилому Гитлеру свой огромный кулак, и как-то собственноручно проучил шпика: «Ну-ка, сунься только еще раз!» «Мы стояли и ждали, они появились и увидели нас. Остановились. Близко не подходят. Ну, вот и все», — усмехается он. «Как это все? Они так и не попытались попасть в пивную?» — «Боялись, наверное», — отвечает Дервенскус. «До драки, значит, не дошло?» — допытываюсь я. «Ну, до драки нет... В суде, правда, они утверждали, что я причинил им телесные повреждения... Но это неправда». — «Что же, они постояли, постояли, и ушли?» — «Убежали», — отвечает он с краткостью, понятной в человеке, чье дело еще только будет рассматриваться в суде высшей инстанции. И снова усмехается: — Мы напугали их неплохо».

Каждый день маленький человек смотрит в окно своего дома, за которым в шахте притаилась ракета «МХ», и ждет: а вдруг это произойдет сейчас! Он вынужден жить в страхе перед возможной ядерной катастрофой. Он — заложник. Но почему? Вопрос, на который у него нет ответа. И хотя автор публикуемого ниже очерка не упоминает о советских мирных инициативах, направленных на ядерное разоружение, не говорит о недавнем соглашении, достигнутом между СССР и США по ракетам средней дальности и оперативно-тактическим ракетам, не упоминает об усилиях Советского Союза в вопросе о сокращении стратегических наступательных средств, — вывод напрашивается сам: если советская мирная политика достигнет успеха, то маленькие люди, Веппнеры и Макнифы наконец вздохнут свободнее.

Кто может долго смотреть на солнце?

Кто может долго думать о смерти?

Л а р о ш ф у к о

Бесс Макниф: «Это заколдованный круг! Наша маленькая спрашивает про ядерную войну... Какие нервы это выдержат? Она говорит: мама, я не хочу умирать! Обычно я стараюсь переменить тему, но ведь, пока мы здесь живем, от этой темы никуда не деться. Вот, из окошка видно — хочешь не хочешь, а приходится каждый день думать о смерти...»

Посмотришь в окно — вот реальность».

Посмотрим в окно вместе с женой американского фермера Бесс. Ничего особенного!.. Просторные, плоские ландшафты прерий — юго-восток захолустного штата Вайоминг. Места, где койотов больше, чем людей. Кстати, здесь далеко видно, а пейзаж так однообразен, что в ясные дни — если, конечно, как следует приглядеться — можно увидеть всю будущую неделю...

Заглядывать в будущее?

Ни в семье Бесс Макниф, ни в соседней семье у ее сестры Мэри Веппнер не любят задумываться о будущем. Потому что ровно в километре от дома Макнифов и, по странному совпадению, в километре от дома Веппнеров военновоздушные силы США разместили энную часть своего ядерного арсенала — межконтинентальную ракету «МХ».

Для кого-то это всего лишь крошечный штришок, точка на огромной схеме, испещренной замысловатыми знаками. Для тех, кто садится за стол у себя в столовой, чтобы, допустим, позавтракать, и старается не смотреть в окно, такой незначительный штрих способен перечеркнуть любые горизонты. Впрочем, из окна Макнифов — как и из окна Веппнеров — действительно ничего не видно. Совсем ничего! Кроме какого-то забора посреди прерий, небольшой бетонной площадки да пары черных радарных ушей, которые сторожат нечто от вторжения.

Первая ступень ракеты прибыла сюда ранним утром в октябре 1986 года. Церемония ее установки напоминала ритуал какого-то захоронения. Бред

Тодд БРЮСТЕР,
швейцарский журналист

любителей фантастики. Едва начинало светать. Над пустынными прериями розовело бескрайнее небо. Вот на горизонте сверкнуло несколько точек. Они двигались, росли. Приближались блестящие белые грузовики. Плавное и медленно они подбиралась к обнесенной забором черной дыре. Или норе? Или — все-таки — могиле?.. На грузовиках опознавательные знаки ВВС США. Огороженное место — кусочек пастбища размером с небольшую автостоянку; глубина черной дыры — метров тридцать. Вот ворота в заборе открылись, и белые мощные машины втянулись внутрь — как будто дыра их притягивала. Постепенно, метр за метром, ракету опустили в яму. Через несколько дней от нее не осталось и следа — ее поглотил антимир. Красивые грузовики укатили, ворота в заборе закрылись, и все стало как прежде. Ничего страшного. Ничего неприятного. Никаких намеков на то, что в мирных, душистых травах, по которым важно гуляют пятнистые коровы, залегло еще одно «анти», по своей разрушительной силе в 250 раз превосходящее бомбу, сброшенную на Хиросиму.

Какой прогресс! Ракета никому не мешает, она не нуждается даже в обслуживающем персонале. Подземный кабель связывает ее с командным пунктом в шестнадцати километрах отсюда, из пункта контролируется десяток таких ракет. А через месяц ракету увенчали наконечником с десятью ядерными боеголовками — теперь она стала действительно принадлежностью своего антимира. Как только понадобится, по сигналу из центра бетонная крышка над шахтой откроется и позволит обтекаемому черному снаряду беспрепятственно вонзить свое стройное тело в наше хрупкое небо.

Бесс и Мэри и все их близкие восприняли эту новость без особого энтузиазма. Радость патриотов от сознания исполненного долга, гордость американцев, участвующих в обороне своей великой родины — все благие чувства, оказывается, тускнеют и отходят на

второй план при необходимости каждый новый день проводить бок о бок с ядерной боеголовкой.

Пит Макниф (супруг Бесс): «Всякий раз — будь то очередная заваруха в Никарагуа или взрыв бомбы в Бейруте — у меня замирает сердце. Что дальше? Не нажмут ли они там случайно не на ту кнопку?»

Бесс Макниф: «Помните, что случилось с космическим кораблем «Шаттл»?¹ А ведь над этим аппаратом трудились самые умные головы страны! Я спрашиваю: если не срабатывает самое лучшее, самое проверенное, то чего же ждать от ракеты, которую вообще не собираются пускать в дело?»

Мэри Веппнер: «Если эта штука когда-нибудь пойдет в дело, у нас, естественно, не будет шансов выжить. Помоему, так оно и лучше... Кому охота жить после ядерной войны?.. Но почему я вынуждена постоянно об этом думать? Почему мы не можем жить спокойно, как другие?!»

Эд Веппнер (супруг Мэри): «Не могу спокойно смотреть: что за бестолковые люди обслуживают эти ракеты. Остается только удивляться, как можно им доверять нашу безопасность?! И вообще, почему моя безопасность должна зависеть от них?»

Безопасность...

Начало этой истории относится к пятидесятым годам, когда представители ВВС обратились к матери Бесс и Мэри, владелице ранчо «Уайтэкер» неподалеку от города Шайенн, с деловым предложением о закупке пастбищных земель для установки ракет «Атлас». Семейство Уайтэкер воспротивилось. Однако военные не стали церемониться — землю национализировали

под государственные нужды, владельцам выплатили скромную компенсацию.

Земли понадобилось много. Система установки и обслуживания ракет «Атлас» куда примитивнее, чем у нынешних. В те времена ракетный пункт состоял из девяти массивных бетонных бункеров. Здесь размещалось 35 человек обслуживающего персонала и 6 ракет, которые лежали в шести горизонтальных саркофагах. Перед запуском их нужно было еще поставить на попу и заправить горючим.

На смену этим динозаврам ядерного оружия в 1965 году пришли «Титаны» — более «практичные». За ними ракеты «Минитмен». Тогда ВВС вернули владельцам ранчо их землю (точнее, продали — по более высокой цене, разумеется, поскольку цены на землю, как на все прочее, постоянно растут), но уже в безнадежно испорченном состоянии: бетонные руины ракетных ангаров были рассеяны по всему пастбищу.

Эд Веппнер: «Я говорил со специалистами-подрывниками. Спрашивал: нельзя ли нам хотя бы избавиться от этих бетонных ловушек для скота? Меня подняли на смех: ангары-то ведь строились в расчете на ядерную атаку! Чтобы их разнести, не хватит всей взрывчатки нашего штата...»

Пит Макниф: «Для нас эти штуки — горе, а для других — это деньги на счете в банке».

В самом деле. Там, где ВВС единственный крупный работодатель, строительство ракетных пунктов — единственная возможность заработать. Поэтому всякое недовольство ракетами воспринимается здесь с особой неприязнью. А такие фермеры, как Веппнер и Макниф, которые противятся размещению ракет на своей земле, оказываются чужаками среди своих.

Непосредственная близость к «антимиру» ракет привносит особую ноту в здешнюю жизнь. В одной из школ

Шайенна ученики выпускают газету с заливчатским названием «Армагеддон-экспресс»². В то же время при обследовании школьников Шайенна все они на вопрос «Чего вы больше всего боитесь?» ответили: «ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ».

Тесс Райдаут (советник по школам в Шайенне): «Есть две темы, которые здесь подлежат самому строгому запрету: ядерная война и борьба за мир. Мы не можем говорить об этом с ребятами в школах. Иначе мы рискуем навлечь на себя самый яростный гнев родителей — нас станут упрекать, что мы запугиваем их детей. Но ведь ребят именно эти темы волнуют!»

Вот так и получилось, что вместо учителей для наведения должного порядка в умонастроениях школьников был направлен майор ВВС Чак Бэнта.

Чак Бэнта: «Думаю, детишкам поможет, если мы объясним им, что здесь в округе делается».

Майор выступал в школах с лекциями о ядерной стратегии США, объяснял, что такое «стратегия устрашения» и почему ракеты являются лучшей гарантией мира.

Чак Бэнта (из лекции): «Если нам когда-нибудь все же придется воспользоваться этими ракетами, то, значит, наши политики и стратеги потерпели неудачу».

Но неудачу, кажется, потерпела и просветительская деятельность ВВС. Девять десятых учеников при опросе после лекции ответили, что не верят в «стратегию устрашения».

Бесс Макниф: «Мы постоянно шутим по поводу того, что если третья мировая война начнется, мы зато будем первыми, кто об этом узнает. Это черный юмор, попытка как-то справиться со своим отчаянием. Наше самое большое желание, наверное, никогда не осуществится: мы все мечтаем, чтобы политики в один прекрасный день явились бы сюда и забрали бы все эти штуки!..»

И семья Макниф, и семья Веппнер — приверженцы республиканской партии. Члены обеих семей голосуют за Рональда Рейгана. Члены обеих семей верят, что президент, тем не менее, сделает все возможное (все, что в его власти), чтобы освободить мир от ядерного оружия.

В принципе их не устраивает только одно: почему именно они должны жить с бомбой под носом? Тем более, уже стало известно, что и следующий вариант американских ракет «Миджетмен» тоже собираются размещать в окрестностях Шайенна — городские власти сами ходатайствовали об этом в Вашингтоне, очевидно, в надежде на очередную строительный бум... И значит, снова все повторится: для одних ракеты — гарантия мира, для других — заработка, а для Макнифов и Веппнеров?

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

¹ Имеется в виду катастрофа космического корабля многоразового использования «Чэлленджер» в январе 1986 года, в результате которой погибло семеро американских астронавтов. — Прим. ред.

² «Армагеддон» — библейское название великой битвы во время Страшного суда. — Прим. пер.

Что остается человеку после того, как он потерял все — работу, семью, дом? Право выбора между самоубийством или жизнью бродяги. Жан-Луи Дегодензи стал бродягой. «Лицом без определенного места жительства» именуются такие, как он, официально, «клошаром», «зоной» — так называют они себя сами. Выжить Дегодензи помогло желание рассказать французам об отчаянном положении таких, как он. Его дневник, отрывок из которого мы предлагаем читателям, недавно выпущен во Франции отдельной книгой.

Не отводите глаза!

Жан-Луи Дегодензи

Произошло это перед самым рассветом, теплой пока еще осенью, когда барометры капризничают раз, максимум два в неделю. Было время, я узнавал о тепле или холоде только по этим немудреным приборам и по гороскопам погоды в газетах...

Я закрыл за собой дверь.

Не запер. Именно закрыл, как обычно, просто захлопнул. Но на этот раз я сделал это не как всегда — по привычке.

Стоя на темной лестничной площадке, я вижу дверь ничьей квартиры. Только что она была моей. Моей ячейкой среди десятков тысяч спящих сейчас ячеек города.

Похоже, не очень трудно оставлять все позади. Простое движение, и дверь закрыта. Что с того, что в щелчке замка, сопровождающем твой уход, есть что-то немилосердное?

Клошар, бродяга, «зона» — вот кто теперь я. Потому что с этого момента по закону, который монополизировал право на раздачу дурацких колпаков, какими раньше награждали плохих учеников, я лицо без определенного места жительства.

Что-то не так все это романтично, как ночевка с песнями у костра.

За этой захлопнувшейся дверью — все, что я оставляю. Или, вернее, все, что судебные исполнители и прочие специалисты ликвидбизнеса еще не увезли с собой.

Колченогий стул, книги, грязная посуда и мелочи моего прошлого, не много достанется тем, кто составляет опись имущества. Да и кто купит на торгах приметы жизни и любви, имеющие ценность лишь в мгновения, когда о чем-то вспоминаешь...

Я собираю в кулак всю свою оставшуюся гордость, пусть она и не велика, чтобы удержаться от желания остаться и взглянуть на последних стервятников, которые, шелестя всякими судебными бумажками, появятся тут че-

рез несколько часов, чтобы навсегда вычеркнуть из времени и пространства мою умершую реальность.

В сущности, я не сегодня покинул это общество. С тех пор, может быть, когда ушли мой Колобок и его мать. С тех пор, когда я стал спрашивать себя, не лучше ли отдать богу душу, коли дьявол дает мне на жизнь по пригоршне турецкого гороха. С тех пор я ушел.

В рюкзаке сложено только самое-самое, хотя не совсем необходимое. Смена белья, старый плащ с чужого военного плеча — ночевать на улице, — мыло, бритва, мелочи, которые вполне могут не пригодиться. В боковое отделение я запрятал маленькие часы-будильник, не подумав, что отныне мне не придется делить свою жизнь на куски, чтобы ее надолго хватило.

Мой Колобок, мой милый Колобок, его фотографию я аккуратно обернул в целлофан — от дождя. Эту фотографию сделали в детском саду. Он сидит и рисует огромным для его пухлых пальчиков карандашом. Старая фотография. Теперь он совсем другой, только глаза по-прежнему веселые, детские.

Улица Бобилло. Со ступенек перед подъездом поднимается «клош». Он спал на старом картоне. Опрокинутая во сне бутылка. Фиолетовое пятно, въевшееся в асфальт.

«Клош» кидает на меня пустой взгляд. Поравнявшись с ним, чувствую запах мочи, перегара и какой-то тухлятины.

И я думаю о том, что благодаря той фотографии моего Колобка, что спрятана в рюкзаке, не стану таким. Никогда. Может быть, однажды я вернусь. И потом у меня есть мыло, ножницы и одеколон на донышке флакона.

Ладно, для начала нужно оплатить свое вступление в новую жизнь. Поблагодарить судьбу! Знать бы, за что? Два франка коллеге, который ничего не просил, ничего не понимает и выпали-

вает «спасибо, мсье», потому что убежден, что я иду на работу или тороплюсь к утреннему поезду. В левом кармане у меня одна пятидесятифранковая бумажка. В правом — горсть мелочи и... вот как кстати — мое кольцо. Я все никак не мог решить, что с ним делать. Взгляд цепляется за надпись на внутренней стороне — уголок забытого счастья — наши имена и даты свадьбы.

Я зажмуриваю глаза изо всех сил. Наверное, пальцы дрогнули. Кольцо упало на мостовую, прокатилось несколько шагов и легло в выбоину перед водосточной решеткой.

Ребром ботинка, как подкатывают мяч на отметку, с которой бьют пенальти, я пододвинул кольцо к решетке...

Замечаю, что не стараюсь держать прогулочный шаг, когда каблук чуть скользит по асфальту и колени прямые. Я теперь цепляю тротуар всей подошвой, укрепляюсь обеими ногами, чтобы так, не уставая, пройти как можно больше. Предчувствую, что мне предстоит дальний путь. Я иду никуда.

Как-нибудь посмотрите повнимательней на проплывающего мимо «клоша» с болтающимся на крупе мешком, вы поймете.

Да, изменилась моя походка, весь мой вид, все мои мысли. Будто я приучаю себя к моей новой среде обитания. И глаза схватывают тысячи деталей, которые раньше не замечались. Окурки на тротуаре. Длинные и свежие — людей богатых и спешащих. На случай, если... Мусорный бак, который пока еще кажется копилкой случайных сокровищ рассеянных горожан, а окажется худшим из унижений. Забегаловка из тех, что похуже.

— Кофе, мсье?

Понимаю, что я еще не выгляжу бродягой. Это чувствуется в тоне хозяйки, которая улыбочиво приветствует случайного клиента с мешком за плечами. Куда-то уезжающего, конечно.

— Да, пожалуйста,— говорю я, напуская на себя глупо озабоченный вид. И сразу расплываюсь. Не мелочью, которой у меня хватило бы вполне. Но подчеркнуто равнодушно складываю в длину свою единственную купюру.

Перекусив, устраиваюсь на скамейке в сквере Сен-Медар. Солнце поднимается в блеклом небе. Стягиваю с себя куртку, потом рубашку — проветриться. Ничего удивительного, сидит на скамейке какой-то человек в майке. Раньше, правда, я стеснялся. Старая история — у меня татуировки. А сейчас испытываю прямо-таки наслаждение.

Хотя поблизости не меньше двух абсолютно свободных скамеек, рядом со мной садится какой-то тип. В руках у него газета, откровенно сложенная на странице с объявлениями о работе. Свежевыбритый, причесанный, еще молодой. Только ботинки, плачущие по щетке с далекого дня их покупки, выдают в нем моего коллегу. Замечаю попутно, что у парня красные глаза и обгрызенные ногти.

— Неплохие наколки! Знаете, такие вещи стоят денег!..— говорит он и принимается объяснять, что работал в кафе у метро Шато-Руж, где был настоящий аукцион татуированной кожи.

— Собирались разные типы, поездившие по свету: моряки, бывшие каторжники... Проходили в заднюю комнату, где каждую среду специальный старичок знакомил их с покупателями — богатыми психами, коллекционирующими рисунки на человеческой коже, из которой они потом заказывают абажуры или бумажники, как у нацистов. Специальный старикан получает свою «комиссию», если сделка состоялась. А продавец — на три дня отправляется в клинику. Там у него татуировку вырезают, а вырезанный участок латают кожей, что понижает спины.

Красноглазый юноша смеется и продолжает, перейдя к расценкам, которые кажутся мне невероятными. Две-три тысячи монет за десять квадратных сантиметров, по-моему, чересчур щедро, если прибавить плату за пребывание в клинике и процент старику.

Черт возьми! Я стою целое состояние!

— Коммерция, понятно, не очень официальная,— поясняет мой сосед.— Поэтому спросите у хозяина кафе, где у него торгуют «переводными картинками». И учтите, если б я вас встретил здесь пораньше, часика в два-три ночи, я бы вас сам обработал. И жил бы за ваш счет верных два месяца!

Послесловие моего благодетеля не вызывает у меня смеха. Говорят, «клоши» убивают даже за початую бутылку. Под первым же предлогом ныряю в метро «Гобелин»...

Где-то я читал, что в парке «Жорж-Брассенс» никто не запрещает горожанам лежать на траве. Это совсем новый парк в XV округе Парижа, разбитый на

месте бывших конских боен. Здесь можно спокойно растянуться на траве. Я не настолько идеалист, чтобы не представлять, какие дни меня ждут на пороге новой жизни. И какая ночь мне предстоит уже сегодня.

Так что пользуюсь случаем, что отныне будет моей работой. И все-таки я начинаю понимать, хоть и боюсь себе в этом признаваться, что бродяжничество не может быть самоцелью.

...Я проснулся с шестым ударом часов и познакомился с «де Голлем».

Лежа с закрытыми глазами, я слышал рядом с собой шуршание бумаги, вздохи и нечленораздельное бормотание. Человек что-то искал в огромном, доверху набитом мешке. На голове у него шапочка, которая когда-то была морским беретом. В спутанных волосах и бороде видны только глаза и нос. Нос, похоже, ведет свой точный счет непогоде и выпитому. Глаза же яростно вытаращены. Видимо, в мешке никак не отыскивается что-то очень нужное.

— Не мешаю, приятель? Можешь дрыхнуть и дальше.

Нашел. Две раскрошенные горбушки, жестяная банка-кружка. Пластмассовая бутылка вина — самого дешевого — уже ждет, аккуратно поставленная на покатоном склоне лужайки.

— Выпьешь?

Я дал себе слово. Отклоняю предложение как можно естественнее. Все же я еще не настолько опустился, чтобы, едва проснувшись, целоваться с бутылкой.

Он отхлебывает прямо из горлышка. Следует звучное проявление глубокого и здорового удовольствия.

Он принимается за ужин. Кусок хлеба и глоток. Густая борода впитывает все, что льется через край.

В иное время, я знаю, он вызвал бы во мне искреннее отвращение. А сейчас мне удивительно до чего приятно на него смотреть. Он живой.

— Не ел со вчерашнего вечера. Мне вчера подкинули три монеты. Представляешь, три желтенькие! (монеты по 10 франков.— Прим. пер.) Я их употребил с такой пользой, что еле проснулся. Спал поперек тротуара часов пятнадцать. Повезло, что «синие» (полицейские.— Прим. пер.) не подобрали.

Он оглядывает меня с головы до пят. Обычное любопытство «клоша» этим исчерпывается, если он не почувст-

вует, что имеет дело с ровней или что можно чем-то поживиться.

То, как «клош» узнает в человеке «своего», чистейшей воды ясновидение. Он узнает тебя из десятка тысяч, даже обряженным в лорда или полицейского.

— Тоже «зона»?

Я отвечаю утвердительно, хотя и невнятно, отводя глаза от прямого инквизиторского взгляда. Довольно трудно до конца свыкнуться, что я уже почти целый день живу под той же несчастливой звездой, что и он, грязный, растерзанный и, конечно, полный вшей бродяга.

— Конкретно, как тебя звать? Меня — Пьер, но все зовут «де Голль».

— Жан-Луи. Почему де Голль?

Он набирает побольше воздуха:

— Па-а-таму как я нужен моей нации и виноделам...— отвечает он, отлично пародируя ораторскую манеру де Голля.

— Знаешь, очень похоже...

— Знаю. Этим и живу. Вот вчера, например, я... Только никак не могу вспомнить, все ли я истратил или у меня выгребли остаток, пока я спал? А как хотелось угостить себя жареными сосисками, черт!

Мы говорили обо всем и ни о чем. Я же видел только одно — постепенно опускавшуюся ночь, мою первую ночь. Тогда я закинул удочку:

— А как ты зажаришь свои сосиски?

— Спокойно, есть все, что нужно и где нужно!

Старые бродяги, как я понял потом, люди организованные куда лучше, чем кажется. Но, осторожные, они не выдают своих секретов. Среди «зоны» доверия еще меньше, чем везде.

У старика наверняка есть где-нибудь потайное местечко. Мысль о том, что, если он сейчас уйдет, мне придется коротать ночь на улице одному, мучает меня все сильнее. Я нажимаю:

— На пару порций сосисок и вино у меня хватит. А ты займешься хозяйством, идет?

Он вновь оглядывает меня с ног до головы. Обещанное ли вино решило все или он почувствовал мой животный страх? Лучше бы не это. Инстинктивно понимаю, что всякая слабость губительна в мире слабых.

Я знаю, мне просто повезло. «Де Голль» старый бродяга. И ученый. Такие уже давно перестали обманываться в незнакомцах. Которые к тому же оказываются воплощением святой невинности.

Он говорит свое «ладно» без намека на любезность. Огромные глаза катятся из стороны в сторону, и борода усмехается. Он вновь входит в роль своего идола и спасителя.

Я выиграл... и иду за ним.

Ловлю себя на мысли, что все еще стараюсь идти так, чтобы прохожие не приняли меня за дружка этого «генерала» в лохмотьях. Последний глянец цивилизации! Последний налет самолюбия.

И тут, поняв это, мне становится безразлично, что подумают прохожие. Я выбрал свой путь. Веселье моего компаньона заразительно. И мы идем бок о бок, громко смеясь каждой новой политико-сюрреалистической пародии.

Я замечаю, что все, кто попадает на нас по дороге, боятся хотя бы заметить нас...

Мы вышли к заброшенной узкоколейке, делавшей когда-то полный круг вокруг столицы. Проход к полотну огорожен тяжелой ржавой решеткой. «Де Голль» с поразительной для его лет легкостью — но сколько ему лет в самом деле? — протискивается в щель в ограде.

Его убежище — старый карьер, заросший деревцами так, что даже с подступающих сюда многоэтажек его невозможно заметить.

Мы спускаемся метра на два вниз. Здесь непроглядная темень. «Де Голль» зажигает свечу. На земле — картонные коробки.

— Бери стул, коллега, и садись на землю!

Никогда бы не подумал, что эта старая школьная присказка, перефразирующая строку Корнея, когда-нибудь прозвучит так к месту. Тем хуже для блох и прочих тварей, которых здесь полно. Я буквально падаю от усталости, хотя ел, спал целый день и ничего не делал. Но я устал.

В эту странную усталость «зоны» вступаешь как в монашеский орден. Она — первая ступенька на лестнице, ведущей вниз.

Все необходимое для приготовления купленных мной сосисок оказалось у «де Голля» с собой в мешке — бутылка с денатуратом, огромная консервная банка с множеством неровных дырок в крышке.

— Царская горелка!

И, видя, что я только из вежливости не спрашиваю, не сгорим ли мы сейчас заживо, посылает меня наверх, наломать прутьев для сосисок.

Он стоит ко мне спиной, но догадался, что я осторожно кошусь на свой рюкзак.

— Иди, не бойся. Что ж мы сами у себя красть будем?

Потом он с наслаждением резал сосиски на крохотные кусочки. Тем же ножом, которым, без сомнений, ковырял под ногтями...

Начало седьмого. Свет едва проби-

вается сквозь ветки. Яма Пьера — «де Голль» действительно настоящий тайник. Вчера, под конец, глядя на этого странного человека, у меня против моей воли возникло ощущение, будто я попал с экскурсией на камбуз сумасшедшего, и мне забыли показать, где оттуда выход. Сейчас после нескольких часов сна все кажется далеким и нереальным. В конце концов, я не так уж плохо выспался! Замерз слегка под утро, но плащ спас. Я благодарю моего квартиросдатчика за то, что он натащил сюда картон. Картон — добрый гений клошара. Он защищает и от холода, и от сырости. Лучшего матраса не придумаешь.

Все идет отлично, пока не поворачиваюсь на другой бок и не обнаруживаю, что я в яме один! Черт, мой рюкзак! Я совершенно забыл, что он у меня

вместо подушки. Прошу прощения, «генерал», за свои подозрения!

От своих щедрот «де Голль» оставил в мое пользование почти полную банку растворимого кофе, несколько кусков сахара и почти чистый бумажный стаканчик. Я растроганно улыбаюсь, смакуя первый глоток кофе в новой жизни.

Оказывается, я не так уж и недоволен ею и этим утром, если не задумываться над тем, что я не знаю, что с ним делать...

По поводу «завтрака» «де Голль» говорил мне что-то про большой отель рядом с метро «Камбронн». Он имел в виду помойку, конечно... А отель у «Камбронн» я знаю, это «Аркад», излюбленное место проведения деловых семинаров и одновременно пастушеский загон для заранее обстриженных туристических стад. Автобусы ждут их пробуждения у парадного входа.

Мусорные баки — сзади. Впечатляющая своими размерами надежда «зоны». Добрая дюжина гигантских баков, доверху набитых пухлыми полиэтиленовыми пакетами, в которых выбрасывают мусор.

Это только в первые мгновения, подходя к бакам с мусором, испытываешь неловкость. Потом плюешь на всех и на вся. В тебе уже разбужен

забытый в той жизни страх перед голодной смертью.

Открываю нож — и за работу.

Один за другим я потрошу тугие пакеты. Да, это откровенно мерзкое занятие, особенно потому, что ты ищешь что-то съедобное, а попадает под руку всякая гадость.

Через некоторое время у меня в рюкзаке уже лежит штук шесть булочек, несколько брикетиков масла и конфитюра, чайная ложка и нож, выброшенные вместе с бумажной скатертью, два чистеньких журнала... Высокий уровень жизни у французского «клоша»!

Тут бы мне и остановиться. Но «клош» живет только сегодняшним днем.

Они появились ниоткуда. Трое еще молодых парней, одетых пестро, но чисто и в новое. Они быстро и незаметно окружили меня и продолжали сжимать кольцо, но уже медленно, очевидно, очень довольные тем, как они выглядят со стороны. Я сделал ошибку, что не двинулся им навстречу, а отступил к стене.

— Эй, ты что, «зона»?

Первым заговорил самый здоровый с рыжими усами и почему-то черными волосами.

— Если угодно...

Я решил на этом закончить наше знакомство, отвернулся к бакам и стал вновь вспаривать пакеты.

Спокойно. Что у меня можно взять? Какой интерес нападать на человека, копающегося в мусоре в поисках еды?

— Ты считаешь, что тут хватит жратвы на всех? — вмешался второй. Этот у них самый старший. Он в галстук и сошел бы за официанта из соседнего кафе.

— Угости-ка меня сигаретой!

У самого молодого из них блестящие застывшие навывкате глаза. Неприятные, развратные глаза на лице подростка. Он тянет руку к моему рюкзаку. Я тщетно пытаюсь успокоить себя, меня охватывает паника.

— Оставьте меня в покое! Если я копаюсь в помойке, дети, то только потому...

— Только почему, папаша? — толкает меня локтем здоровяк.

Умеют нагнетать в человеке страх.

Я достаю свои полпачки сигарет и вынимаю одну — для пучеглазого.

Здоровяк вырывает у меня всю пачку и с размаху бьет в плечо. Я чуть не падаю в вонючую лужу. И никаких сил хотя бы показать им, что я готов защищаться. Их трое, они злы. К тому же мне начинает казаться, что я вряд ли вообще когда-нибудь сумею себя защитить.

Я прижимаюсь рюкзаком к стене. 14

Это все, что мне остается. От удара падают на землю очки. Кто-то бьет ногой в живот. Они лупят по мне со всех сторон как по мячу. Пытаются стащить с меня куртку и вырвать рюкзак. Они могли бы уже сейчас отобрать его, но продлевают удовольствие.

— Долго еще собираетесь тут поселиться?

Двое негров, видимо, рабочие, появившиеся из гостиницы, спасли меня. Разномастная троица, правда, похоже, ничуть не испугана, а только удивлена. Обижена, что у них отнимают игрушку. Хотя и вполне осознают, что преимущество уже не на их стороне. Потоптавшись еще немного вокруг меня, они чему-то громко смеются и исчезают на перекрестке...

Не понимаю, почему я решил спуститься в метро. Машинально, наверное, бежал к людям из моей прошлой жизни.

На перроне — никого. У меня все еще дрожат ноги, во рту привкус крови, глаз заплыл.

И в вагоне поезда только два человека: девушка и пожилая дама. Я специально вхожу в самую дальнюю от них дверь, но они видят, что я едва держусь на ногах. И не знают, куда отвести глаза, чтобы я не попадал в их поле зрения.

Секунду назад они чувствовали себя уютно в своем мире, безмятежные, как коровы на лугу. Я вломился в их мир, чужеземец, если судить по следам на лице.

Для них я не должен существовать. Я помеха для их спокойного без сюрпризов утра.

Осторожно пытаюсь выпрямить оправу очков. Дужка не выдерживает и ломается посередине. Я прячу свой металлолом в карман. Зачем? Неужели я действительно думаю когда-нибудь его починить? Нет. Просто я цепляюсь за что-то бесполезное, за какое-то странное убогое ничто, которое появляется из вещи, когда она умирает своей особой вещевой смертью и уже не служит ни для чего.

Не помню, как и где я вышел на улицу. Солнце и дома качались у меня перед глазами. Сумасшедший корабль.

На этот раз в самом деле я сел в свою лодку.

Перевел с французского С. ВИКТОРОВ

Рок-энциклопедия Ровесника

В

«BARCLAY JAMES HARVEST» («Барклай Джеймс Харвест»), группа образовалась в 1967 году в Англии.

Состав: Стюарт Уолстенхолм, клав., вок.; Мелвин Джон Причард, уд.; Джон Лис, гит., вок.; Лес Холройд, бас, вок.

Подобно «Пинк Флойд», с которыми «Б. Дж. Х.» сравнивают и сегодня, группа начинала с хард-рока, в котором заметное место отводилось элементам классической музыки. Музыканты много экспериментировали со звуком и десятилетие своей карьеры отметили выпуском одного из своих самых значительных альбомов, выполненных в стиле арт-рок, «Пришествие».

Пластинки «Барклай Джеймс Харвест», 1970; «Еще раз», 1971; «Другие рассказы», 1971; «Бэби Джеймс Харвест», 1972; «Рассвет грядет», 1972; «Концерт», 1974; «В каждом из нас есть еще одно «я», 1974; «Знаменитые призраки», 1975; «Октоберон», 1976 высоко ценились английскими любителями арт-рока.

Однако в конце 70-х — начале 80-х годов музыка «Б. Дж. Х.» становится более простой и... скучной. Последние работы группы — «Жертвы обстоятельств», 1984; «Лицом к лицу», 1987.

Сольные пластинки: Джон Лис — «Главное пристрастие», 1973; Стюарт Уолстенхолм (он ушел из «Б. Дж. Х.» в 1979 году) — «Играть величественно!», 1980.

BARRETT, SYD (Сид Барретт). Родился 6 января 1946 года в Кембридже, Англия.

Певец, композитор и гитарист, окончил Лондонский художественный колледж в 1964 году и на следующий год организовал группу «Пинк Флойд». Б. был автором большинства композиций, вошедших в первый альбом группы «Волыщик у врат рассвета», 1967. В апреле 1968 года был вынужден покинуть группу в связи с ухудшением здоровья, его место в «П. Ф.» занял Дэвид Гилмор, учившийся с Б. в одном колледже. (Музыкальный и текстовый материал, созданный Б., «П. Ф.» разрабатывали и использовали в своих пластинках еще почти десять лет.) В 1975 году бывшие коллеги Б. посвятили ему песню «Сияй, сумасшедший бриллиант!», вошедшую в альбом «Жаль, что тебя здесь нет». В 1983 году вышел сборник стихов Б. под названием «Желтый кеб, черепаха, два кибернетика и генерал».

Сольные пластинки: «Сумасброд смеется», 1970; «Барретт», 1970.

«BAY CITY ROLLERS» («Бей-Сити роллерс»), группа образовалась в 1967 году (под названием «Саксонс») в Эдинбурге, Шотландия. Исходный состав: Алан Лонгмюир, бас; Эрик Фолкнер, гит.; Дерек Лонгмюир, уд.; Лесли Маккеоун, вок.; Стюарт Вуд, гит. (Название группы объясняется просто: менеджер ткнул наугад пальцем в карту США, и оказалось, что он попал в город Бей-Сити, шт. Мичиган.)

Первый успех пришел в 1971 году: очередная сорокапятка «Б.-С. р.» по манере очень напоминала «Битлз», и музыкальные критики прочили молодым музыкантам славу знаменитого квартета. И хотя дальше подражания «Б.-С. р.» не пошли, их первая долгоиграющая пластинка («Бей-Сити роллерс», 1975) стала популярной среди английских подростков.

Впрочем, соотечественники довольно быстро охладели к «Б.-С. р.», и музыканты отправились в США, благо амери-

канизированное название являлось своего рода визитной карточкой. 1976 год стал настолько удачным, что в Америке начали поговаривать о «роллермании», но уход Алана Лонгмюира, основного композитора группы, оказался роковым. На его место пригласили Иэна Митчелла, гит., которого позже сменил Пэт Макглини, гит.; а Вуд переключился на бас-гитару. Были выпущены пластинки «Любовное послание в стиле рок-н-ролл», 1976; «Посвящение», 1976; «Лучшие вещи», 1977; «Путники в лесу», 1978.

В начале 80-х дела пошли так плохо, что группа была вынуждена выступать в небольших клубах, школьных спортзалах, и ни одна фирма грамзаписи не хотела подписывать с ними контракт. «Б.-С. р.» существуют и сегодня: выступают в небольшом ресторане на Западном побережье США.

«BEACH BOYS» («Бич бойз»), группа образовалась в 1961 году в Калифорнии, США.

Исходный состав: Брайан Уилсон, вок., бас, рояль; Деннис Уилсон, вок., уд.; Карл Уилсон, вок., гит.; Майк Лав, вок., уд.; Алан Джердайн, вок., гит.

Прежде чем появилось название «Б. б.», братья Уилсоны играли в таких группах, как «Пендлтонс», «Кенни энд зэ кэдэтс», «Карл энд зэ пэйшенс». Уже будучи «Б. б.», Брайан Уилсон, основной композитор, написал песню «Серфинг», ставшую хитом на юге США. Как и в большинстве ранних вещей, здесь чувствовалась тяга музыкантов к манере Чака Берри, но впоследствии они сумели найти свой собственный стиль, изобрели, по сути дела, калифорнийский рок — так стали называть музыку «Б. б.» в конце 60-х. И если на первых порах группа ориентировалась исключительно на подростковую аудиторию, то, взрослея, музыканты начали поднимать в своих песнях сложные морально-этические проблемы, отдельные композиции были явно социально направленными. 70-е годы стали для «Б. б.» периодом интенсивного творческого поиска — музыка усложнилась, появилась тенденция к авангардизму. Однако в 80-х «Б. б.» вернулись к музыкальным темам начала своего творчества, и сейчас ими движет скорее ностальгия по прошлому, нежели стремление создать что-то новое.

Изменения в составе: 1962 — Джердайн, + Дэвид Маркс, гит.; 1964 — Маркс, + Джердайн; 1965 + Брюс Джонстон, гит., вок.; 1972 — Джонстон; 1978 + Джонстон¹. В конце 1983 года в результате несчастного случая погиб Деннис Уилсон.

За четверть века своего творчества «Б. б.» выпустили более тридцати долгоиграющих пластинок, и перечислить их все в рамках небольшой заметки практически невозможно. Отметим лишь последние работы группы: «Пусть лето длится вечно», 1980; «Десять лет гармонии», 1981; «Танец в полночь», 1983; «Этот дождь надолго», 1984; «Сделано в США», 1986.

«BEATLES». О «Битлз» «Ровесник» пишет вот уже четверть века. В 1983 году мы опубликовали «Авторизованную биографию «Битлз», в № 12 за прошлый год поместили дискографию группы, в ближайших номерах предполагаем опубликовать материал об истории создания альбома «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера». Поэтому мы решили не вносить «Битлз» в РЭР. Сейчас мы только дадим исходный состав группы и приведем названия, под которыми музыканты выступали прежде чем стать «Битлз».

Состав 1959 года: Джон Леннон, гит., вок., гарм., клав.; Пол Маккартни, бас, вок., гит., клав.; Джордж Харрисон, гит., вок.; Стю Сатклифф, бас; Пит Бест, уд.

¹ Впредь для экономии места мы будем так обозначать изменения составов: год, «—» означает уход, «+» приход очередного музыканта.— Прим. ред.

АНГЛИЙСКУЮ ГРУППУ
ДЕФ ПЕПАРД
отличает упорство в преодолении трудностей: музыканты собрались в 1977 году, а первую пластинку выпустили только три года спустя. Лишь в 1983 году к ним пришел настоящий успех — это была пластинка «Пиромания», выполненная в лучших традициях нео-хард-рока. Но Ричард Оллен, попав в автокатастрофу и лишившись руки, однако благодаря специальной чивости и ударной установке альбома «Истерия». Сейчас «Деф леппард» это: Рик Оллен, гитара; Фил Коллен, гитара; Стив Кларк, гитара, и Рик Сэвидж, бас (слева направо).

В 1962 году Бест ушел из группы и вместо него пригласили Ринго Старра. Сатклифф умер от кровоизлияния в мозг 10 апреля 1962 года.

Изменения названия: «Куорримен», 1957; «Джонни энд зэ мундогс», 1958; «Силвер битлз», 1959; «Битлз», 1960. [В 1962 году музыканты записали пластинку с Тони Шериданом; они выступали под псевдонимом «Бит бойз».]

И последнее: до Пита Беста барабанщиком был Томми Мур.

«BE-BOP DELUXE» («Би-боп делюкс»), группа образовалась в 1972 году в Англии.

Исходный состав: Билл Нельсон, гит., вок., клав.; Роберт Брайан, бас; Николас Чаттертон-Дью, уд.; Иэн Паркинг, гит.; Ричард Браун, клав.

Организовал группу профессиональный гитарист Билл Нельсон, до этого записавший две пластинки с йоркширской группой «Джентл революшн». Кроме того, в 1971 году он выпустил сольную пластинку «Северная мечта».

По словам самого Нельсона, «Б.-б. д.» собрались для того, чтобы развить музыкальные идеи Дэвида Боуи, который, как считал Нельсон, весьма слаб исполнительски. Музыкально «Б.-б. д.» действительно отдаленно напоминал раннего Боуи, хотя композиции группы были «много-слойными», с виртуозными инструментальными соло. «Б.-б. д.» записали пластинки: «Жертва сокращений бюджета», 1974; «Футурама», 1975; «Солнечный финиш», 1976; «Современная музыка», 1976; «Раскаленные клапаны» (мини-альбом), 1976; «Музыкальный век» (двойной концертный альбом), 1977; «Дрэстик-плэстик», 1978; «Лучшие вещи» (двойной сборник), 1978. В 1979 году музыканты решили прекратить совместную деятельность, и Нельсон собрал новую группу «Красный шум», с которой записал три пластинки, после чего занялся сольной работой. Его последние диски: «Оживление святого духа», 1986; «Проверка на человеческое общение» (комплект пластинок), 1986.

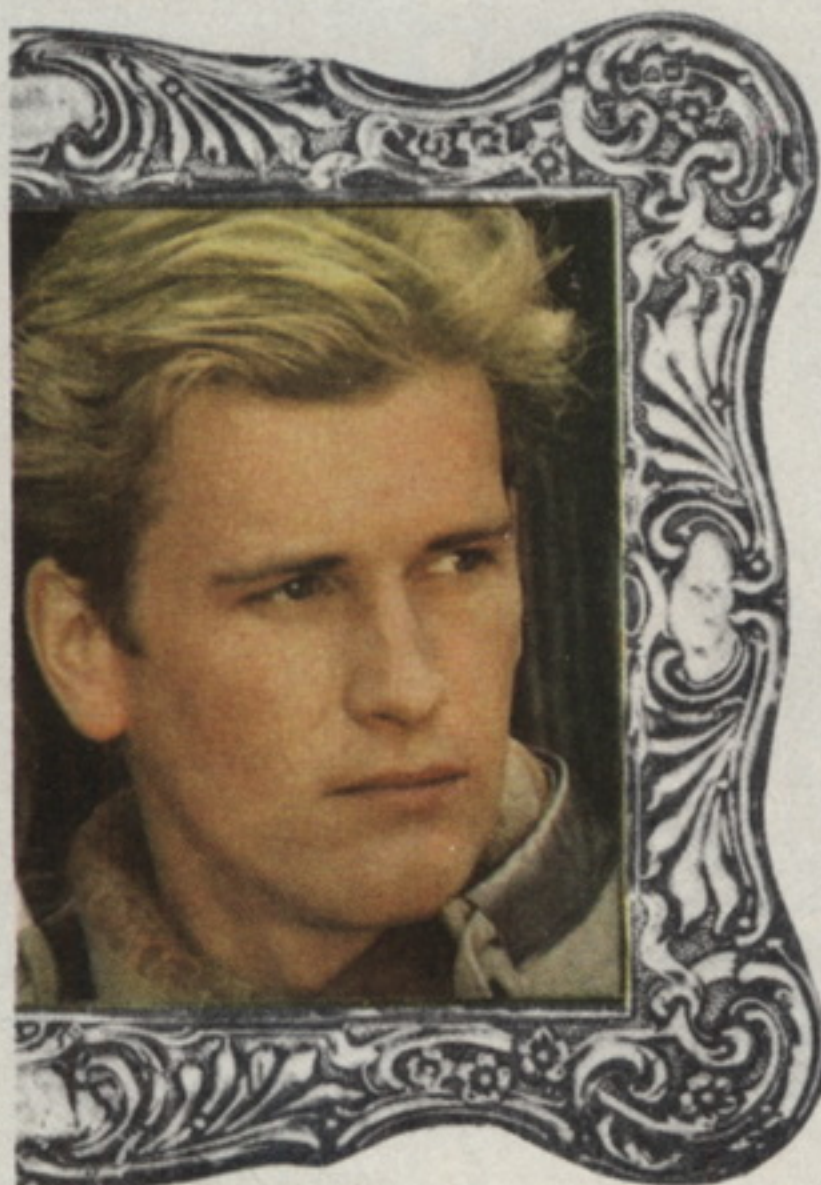
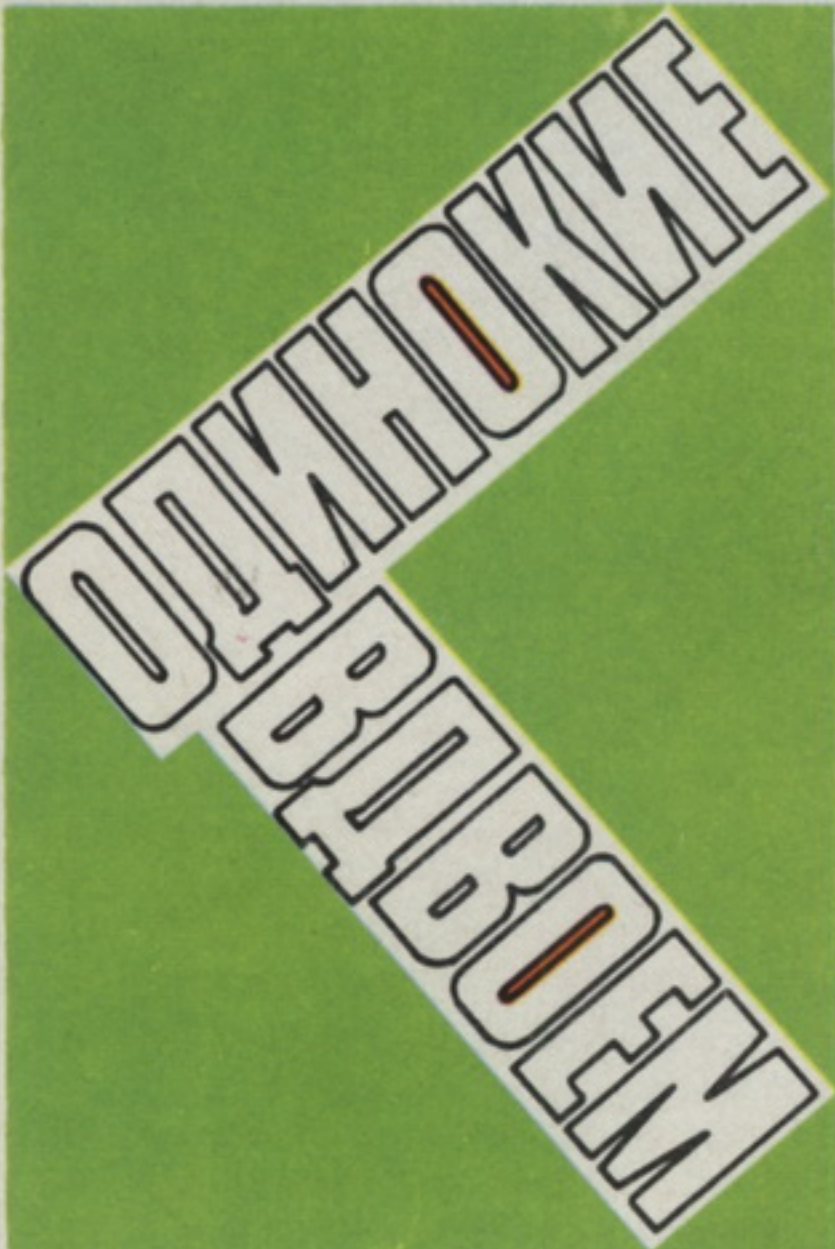
Изменения состава: в 1974 году из состава 1972 года остался один Нельсон + Милтон Рими-Джеймс, клав.; Пол Джеффрис, бас; Саймон Фокс, уд.; в этом составе был записан первый альбом, после чего последовали новые изменения: 1974 — Рими-Джеймс, — Джеффрис, + Чарльз Тумахаи, бас; 1975 — Эндрю Кларк, клав.

«BAND» («Бэнд» — «Оркестр»), группа образовалась в 1967 году в США.

Состав: Джеймс Робби Робертсон — гит.; Ричард Мануэль — форт., вок.; Гат Хадсон — орг., сакс.; Рик Денко — бас, вок.; Левон Хелм — уд., вок., мандолина.

Это одна из немногих групп, сумевших удачно соединить в своей музыке фольклор с присущими ему «сказочными» темами и рок-н-ролл; композиции «Б.» отличались строгими аранжировками и мелодичностью.

Начинали «Б.» как группа аккомпаниаторов известного американского певца Ронни Хоукинса (в 1960—1963 гг.). Затем они выступали самостоятельно под различными названиями («Левон энд зэ хоукс», «Крэкерс», «Кэнэдиен сквайрс»). С ними записывался певец Джон Хэммонд (1964) и Боб Дилан (1965—1966). Потом началась самостоятельная работа (подавляющее число песен писали Робертсон и Мануэль): «Музыка из «Биг Пинк», 1968 («Бин Пинк» — название студии группы); «Оркестр», 1969; «Боязнь сцены», 1970; «Соучастники», 1971; «Рок на все времена», 1972; «Дурацкий концерт», 1973; «Северное сияние — Южный Крест», 1975; «Лучшие вещи», 1976. В 70-е годы «Б.» периодически сотрудничали с Диланом, много выступали на различных рок-фестивалях. В 1976 году «Б.» распались, но студийного материала было так много, что пластинки продолжали выходить: «Острова», 1977; «Последний вальс», 1978; «Антология», 1978. Уже во второй половине 80-х годов «Б.» решили собраться вновь, но неожиданная смерть Мануэля перечеркнула их планы.

вел, путешествуя по городам США и интервьюируя выпускников колледжей о любви, взаимоотношениях, романтике, я много раз слышал такие же высказывания — уравнивания жизни решены, сомнения отброшены прочь. Я предпринял это путешествие в целях проверки впечатления, присущего многим из нас: молодежь, ринувшаяся в школы бизнеса и на Уолл-стрит, завоевана культурой сиюминутного вознаграждения. Я хотел почувствовать эмоциональный пульс поколения, которое нам кажется слишком циничным, слишком «материалистичным».

Я проинтервьюировал около 60 человек в возрасте от 22 до 26 лет: аспиранты, адвокаты, учителя, коммерсанты, они выражали различные политические и социальные точки зрения, демонстрировали самые разнообразные интересы. Но все являлись выпускниками колледжей, жили в городах, не имели половых отклонений — то есть зеркало меня самого, когда в 1975 году я закончил колледж. Я ездил из города в город, брал интервью, все больше убеждаясь, что у них есть еще одно общее качество: им о себе все известно наперед, вся жизнь уже расписана. Я спрашивал о любви, но ей не отводилось особой роли в будущем.

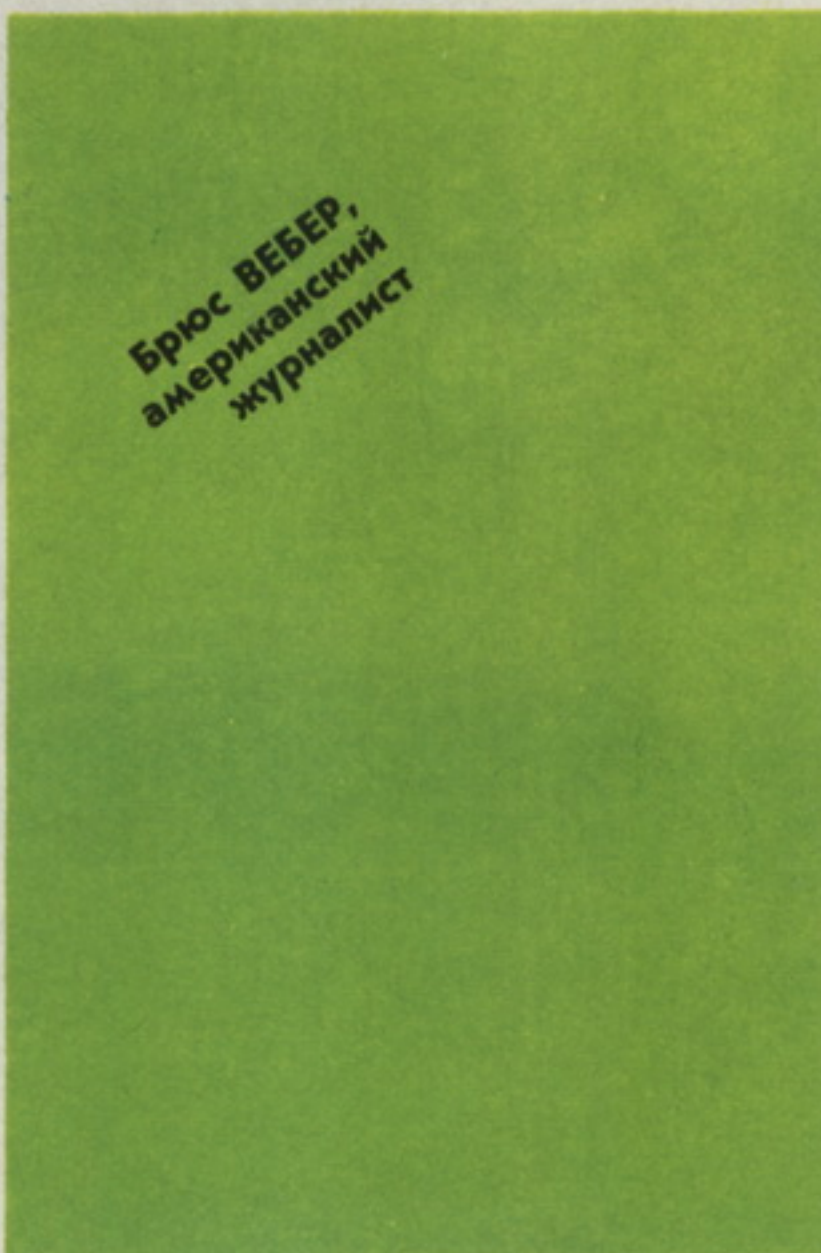
В мое время, двенадцать лет назад, когда я закончил колледж, за три года до моего первого оклада, за шесть лет до всего, что хоть сколь-нибудь напоминало мою нынешнюю работу, как мог я предвидеть свою дальнейшую жизнь? То было время разочарования и надежды, шатания и ожидания события, которому следовало прояснить мое будущее. Откровенно, я надеялся встретить девушку, найти любовь, которая переменит всю жизнь.

Сегодня я все еще одинок, страдаю от этого и одновременно с большим рационализмом предвижу, чего можно ждать от любви. Отправляясь в путешествие, я испытывал такое чувство, словно собрался на экскурсию в свое прошлое. Но те, с кем я встретился, оказались скорее похожими на меня, какой я сейчас, чем на того, каким я был в их годы. Из путешествия я вернулся с мыслью, что молодые люди сегодня гораздо взрослее, и постулат «Любовь — это все, что нужно тебе» (слова песни «Битлз». — Ред.) ни в ком не находит сочувствия.

«Ким — отличная девушка. Я ее люблю», — говорит Кларк. — Но она думает только о карьере. Я тоже. С нашей загруженностью лучше всего быть независимыми друг от друга — никаких ограничений. Я считаю — это здоровый образ жизни».

«Его тянет назад в Сан-Луис», — говорит Ким, — а я хочу вернуться в Чикаго. Если мы разведемся — прекрасно. Если нет — тоже хорошо. Меня устраивает и то, и другое».

Они не бессердечные, не бездушные, не холодные и не прозаичные. Просто они заняты исключительно собой — качество, на мой взгляд, присущее любому молодому поколению,

Перед вами современная история любви.

Двадцатичетырехлетний Кларк Уолфсбергер, уроженец Сан-Луиса, и двадцатипятилетняя Ким Урайт из Чикаго живут в Далласе. Они вместе учились в университете, с тех пор уже три года вдвоем. Симпатичная пара — стройные, спортивного сложения, она темноволосая, гибкая, у него широкие плечи и квадратный подбородок. Сразу после университета оба устроились на работу. Кларк служит в компании, занимающейся коммерческими операциями в международном спорте, Ким — младший бухгалтер в крупном рекламном агентстве.

«Мы очень подходим друг другу», — говорит она.

«Нам не нужно много времени для общения, чтобы подтверждать наши отношения», — говорит он.

О будущем они говорят так, словно принадлежат старшему поколению. «В тридцать я, возможно, выйду замуж», — говорит Ким. — Я по-прежнему буду работать в сфере рекламы. У меня будет поздний ребенок».

«В тридцать я точно женюсь», — говорит Кларк. — Важно производить хорошее впечатление на работе. Иметь дом, собаку. Но на первых порах без ребеночка. Вообще-то я не против детей».

В тот зимний месяц, который я про-

но в отличие от прежних поколений они про это качество знают. Они стали искушенные.

Конечно, они вышли из своего возраста, вскормленные массовой информацией, они видят, что американские традиции дышат на ладан. Начиная с 1975 года в США ежегодно разводятся более миллиона человек, и об этом широко говорится в печати: почти половина всех браков сегодня заканчивается разводами. С другой стороны, эра случайных половых отношений и сексуальных экспериментов, похоже, подошла к концу в связи с распространением эпидемии СПИДа.

Выпускники колледжей в курсе мрачных прогнозов надвигающейся экономической депрессии. Они знают: как бы ни была трудна их жизнь сегодня, возможно, завтра их детям придется куда труднее. Нынешние выпускники не питают традиционных иллюзий относительно будущего: впереди они видят не тайну, а скорее хаос.

Я обратил внимание на иронию ситуации: в то время как массовая культура целиком ориентирована на молодежь, обещая ей любые возможности, те, с кем я разговаривал, выглядели чрезвычайно ограниченными в выборе. Они поставили перед собой задачу (точнее — были поставлены перед задачей) до предела сузить границы своего выбора, встать на одни рельсы и двигаться туда, где их ждет комфорт и безопасность. Во время моего путешествия я не раз беседовал с преподавателями колледжей, и они подтверждали, что молодежь в первую очередь заботят практические соображения, она стала гораздо прагматичнее, чем раньше. «Я беседую с ними о выборе профессии, — говорит декан университета Джорджа Вашингтона. — О любви? Не припомню, чтобы их интересовала эта тема».

Агрессивно-самостоятельные, всецело ориентированные на карьеру, они говорили со мной, холостяком, имеющим в кармане престижную работу, в странной манере, сочетавшей в себе панибратство и уважение. Когда интервью заканчивалось, на меня сыпались вопросы: каково работать в «Нью-Йорк таймс» и как мне удалось получить там работу? Редко кто спрашивал о моих любовных делах. Учитывая тему бесед, удивительно, как мало было подобных вопросов. Но когда их все-таки задавали и я говорил, что однажды чуть не женился, но не вышло, никто не спрашивал почему. Никто не спросил, чувствую ли я себя одиноким.

Мика Маттере, 25 лет, недавно закончила интернатуру в «Си-би-эс ньюс» в Чикаго, собирается стать радиожурналистом. Подобно многим другим, с кем я разговаривал, она очень практична. «До недавнего времени я гуляла с одним парнем. У него хорошая работа. Он хорошо ко мне относился. Но однажды он рассказал о своих родителях — неблагополучная семья. И я

подумала: а если я в него влюблюсь и мы поженимся, что тогда?»

Возможно, мне изменяет память, но я не припомню, чтобы помышлял о браке до того, как влюбился. Я влюбился в 29 лет. Поздновато, согласен. Но речь о другом: для меня (и, думаю, для моего поколения) брак являлся естественным продолжением случайно вспыхнувшей любви. Нынешнему поколению подобный романтизм кажется нелепым.

В каждом интервью я спрашивал: любили ли вы кого-нибудь всерьез? Не было ли желания жениться? И практически у каждого имелась своя история. Но я ничего не услышал ни о разбитом сердце, ни о глубокой печали. Чуть ли не с дословной схожестью они говорили, какой опыт из этого вынесли и какой урок получили. Нет, не разочарование, они слишком молоды, чтобы потерять интерес к жизни, скорее это была решимость избавиться от всего, что мешает действовать.

Двадцатипятилетний Питер Манди из Сан-Франциско говорит: «Я покончил с любовью. Слишком много переживаний, слишком большое напряжение. Так много нюансов, что не понимаешь, что происходит, только потом видишь, что и как было неправильно. Но едва влюбился, ни о чем другом не думаешь».

Двадцатилетняя Элен Лабин из Лос-Анджелеса недавно была помолвлена с человеком, с которым встречается уже два года. «Поначалу он мне совсем не понравился. Но в нем было то, что заставило меня сказать: «Вот мужчина, который мне нужен». Он умен, деловой, в 25 лет ворочает тоннами денег, у него хорошие связи».

Сегодняшние выпускники колледжей выработали абсолютно новый подход к браку. Несмотря на высокий уровень разводов, многие из тех, с кем я разговаривал, запланировали жениться. В подавляющем большинстве они считают брак не только желательным, но и неизбежным. Однако, понимая опасность, которая связана с браком, они подходят к нему с большой осторожностью и прагматизмом. Они осторожнее своих родителей (по данным 1985 года средний возраст американского молодожена составляет 25,5 лет, самый высокий уровень за всю историю), они очень методичны.

Возможно, поэтому я нахожу их столь неромантичными. Мужчины и женщины говорят о браке разными словами, но обе стороны разделяют мнение, что брак не может быть плодотворным, если к нему недостаточно подготовиться.

«Я встречаюсь с одной женщиной полтора года, — говорит 24-летний выпускник Техасского университета Бен Гроссман. — Тему брака мы не затрагиваем, и, откровенно, я не думаю, что мы поженимся». В первую очередь Гроссман заботится о продвижении по службе. «Я хочу быть финансово обеспеченным, не хочу, чтобы брак мешал мне в моей борьбе за успех. И

без того слишком много стрессовых моментов. А я хочу получать удовольствие от жизни, не хочу потом оглядываться назад и думать: если бы не женился, достиг бы большего».

Многие молодые женщины признались мне, что их беспокоит статистика, согласно которой женщине после 30 лет практически невозможно выйти замуж. В наше время, когда выпускница колледжа оказывается перед необходимостью делать карьеру, она понимает, что это повышает степень риска остаться одной.

Дженни Рассел, 25 лет, выпускница университета Северной Каролины, в 1983 году порвала отношения с молодым человеком, предлагавшим ей выйти за него замуж, и переехала в Лос-Анджелес с намерением сделать карьеру на поприще киноиндустрии. Подобно многим молодым женщинам, она считает, что независимость, которую дает карьера, не только обеспечивает самоуважение, но является залогом для успешного брака. «Я хочу выйти замуж, — говорит она. — Но сейчас я слишком занята собой. Прежде всего карьера. Я должна иметь право сказать себе: я сама всего добилась. Так интереснее. Конечно, может случиться, однажды я посмотрю вокруг и скажу: «Муж, где ты?» Но его не окажется рядом».

На следующий день я встретился с Микой Маттере, разговор с которой мало чем отличался от прочих. Целеустремленная и эгоцентричная, она перечислила длинный список качеств, которые считает необходимыми для мужчины: красивый, с чувством юмора, старомодный во взглядах, добившийся успеха, финансово обеспеченный, имеющий состоятельных родителей. «Почему бы нет? — говорит она. — Я заслуживаю самого лучшего». Но когда я закрывал блокнот, она с грустью спросила: «Я ведь выйду замуж, правда? Это по-американски, да?»

Во времена моей молодости мы интерпретировали секс, как нам было удобно: удовольствие, которое разделяют «согласные стороны». Если тебе это приятно, делай. Помните?

Нынешнее поколение унаследовало данную точку зрения на секс. Но сегодня в большинстве случаев молодые люди меняют свои прежние представления. Они уже не говорят открыто о своей половой жизни. Я не хочу сказать, что молодежь воспитала в себе новые нравственные взгляды, но у меня сложилось впечатление, что во всех отношениях половая жизнь молодежи сегодня стала гораздо скромнее.

Конечно, одна из важных причин — страх перед СПИДом. Серьезно или шутя, в откровенном разговоре с глазу на глаз или в застольной беседе они говорят об этом. Большинство считает, что выход в отказе от случайных половых связей. В одном из первых моих интервью 25-летний Карл Урайт из Чикаго сказал: «Возможно, тут нет

худа без добра. Возможно, СПИД заставит нас вернуться к любви». Чем больше я об этом думаю, тем страшнее кажется мне эта мысль.

Биверли Кейро, 25-летняя служащая в юридической конторе. У нее привлекательные, интеллигентные манеры, мягкий голос. Когда речь заходит о личных планах, подобно многим сверстницам, она говорит уверенно: «Мне бы хотелось иметь спутника. Полагаю, друга. Но поиск мужчины не самое главное. Я хочу продвинуться по службе в фирме. Я хочу иметь вес в обществе. Я не предвижу особых перемен в своей жизни до того, как мне исполнится тридцать лет. Разве что мне удастся приобрести какую-то частную собственность».

Во время моих интервью я снова и снова слышал мысль о том, как важно в жизни встать на одни рельсы и двигаться в одном направлении. Я даже стал видеть в ней общепринятую формулу для самоопределения. Как поколение они исследованы довольно слабо, но некоторые статистические данные опросов поразили меня.

Согласно ежегодным опросам 300 тысяч первокурсников колледжей, проводимым Исследовательским институтом высшего образования при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, молодые люди сегодня в гораздо большей степени, чем когда-либо прежде, ставят перед собой сугубо практические цели в жизни. Из опрошенных в 1986 году 73,2 процента считает главной целью «хорошую финансовую обеспеченность». В 1980 году так считало 63,3 процента первокурсников, в 1975-м — 49,5. Другие практические цели также приобрели более широкое распространение: «добиться признания коллег по работе», «осуществлять административную власть над работой других», «добиться успеха в бизнесе». С другой стороны — количество считающих важным для себя «вести осмысленную жизнь» сократилось с 64,2 процента в 1975-м до 40,6 процента в прошлом году.

На мой вопрос, каким должен быть партнер, которого они выберут для супружеской жизни, большинство отвечало: «образованный профессионал», «целеустремленный человек». Такой человек не просто обязан знать, чего он хочет, но уже осуществлять свое желание.

«Похоже, каждый из нас решил, что ему ничего не остается, как вступить в соревнование и чего-то достигать», — говорит Скотт Бирубаум, который работает старшим бухгалтером. В 1984 году Бирубаум закончил Техасский университет, где, как он говорит, и «началось мое помешательство на карьере». Коренной техасец, он живет в Гринвилле — районе, в основном заселенном неженатыми молодыми людьми. Его квартира достаточно просторна, но обставлена неважно. Он дружелюбно смеется, кивая на телевизор, стоящий на холодильнике. «Зачем мне мебель? — говорит он. —

Я почти все время на работе».

Уверенный в своих профессиональных качествах, Бирубаум оказался одним из немногих, кто честно говорил о цене, которую ему пришлось платить за успех. Многие признавали, что очень беспокоятся, как бы не случилось так, что в тридцать лет они все еще не устроили личную жизнь, но Бирубаум считает, что ему нужно жениться сейчас. «Я чувствую себя одиноко, — говорит он. — Если в тридцать я добьюсь успеха, но буду по-прежнему один, мне будет противно. Возможно, когда я женюсь и у меня появится ребенок, погоня за карьерой не будет для меня столь уж важной».

Проблема в том, говорит он, что стремление к карьере — общепринятая позиция, и он сам ее продукт и от нее зависит. «Вот как мы думаем, — говорит он. — Взобрался на ступеньку, взбирайся на следующую. Взобрался на следующую, взбирайся на другую. Бери, бери. Карьера, карьера. Мы все боимся замедлить темп в страхе, что не успеем что-то схватить. И это распространяется и на наше социальное положение. Ты идешь на свидание и думаешь: «Черт, а может быть, другая, которую я встречу, будет лучше?» Я понимаю, как ужасно это звучит, но, если честно, так стоит моя проблема. Большинство моих сверстников в том же положении».

Когда я вернулся в Нью-Йорк, то позвонил Алексу Де Грамону, интервью с которым я приберег напоследок. Я знаю Алекса давно, с тех пор, когда он еще был забавным и любознательным школьником, а я его учителем. Теперь, красивый, мягкий, гуманитарного склада ума, он склонен к поэтической грусти и страдает от недостатка перспективы.

В год окончания университета у Алекса были все причины надеяться на хорошее будущее. Его дипломная работа была издана отдельной книгой. Окрыленный успехом, он поступил в аспирантуру, занявшись разработкой сразу четырех тем по литературному анализу. Также он поступил на курс юриспруденции. Живет с родителями. Он не производит впечатления человека, горящего энтузиазмом.

Алекс рассказал мне, что прошлым летом бросился в погоню за женщиной в Западную Германию. Он познакомился с ней в колледже. Алекс надеялся жениться на ней и жить с ней в ФРГ, но через две недели вернулся на родину. «Камю написал однажды: «Любовь может гореть и может длиться. Но не может и то, и другое сразу».

Алекс, которому 23, признается, что чувствует себя не в своей тарелке. «Каждая минута, в которую я не достигаю какого-нибудь результата, мне кажется потерянной даром, — говорит он несчастно. — Я чувствую на себе огромное давление, которое требует от меня срочно решить, что делать со своей жизнью. Я романтик, но сейчас совсем не романтические времена».

Перевел с английского В. СИМОНОВ

американский писатель

Фантастическая повесть

Дверь бесшумно утонула в стене, и Келли прошел в лабораторию, с нетерпением ожидая нового соперника. Красноватый полумрак подсказал землянину, что его вновь ждет встреча с олитом. И действительно, от противоположной стены к столу приблизилось аллигатороподобное существо.

— Приветствую вас, — сказал Келли, скрестив руки в запястьях, как это делал Тлеймейси. — Я — Келли Макклейн, человек.

Олит повторил его жест.

— Я — улар Ачраней, олит.

— Рад вас видеть. Что значит «улар»?

— Это титул, соответствующий моему положению в обществе. Я команду эскадрой из семи звездолетов... И поскорее покончим с этим балаганом!

— Что вы называете «балаганом»? — Келли осторожно опустился в кресло.

Окончание. Начало см. в № 1/88.

Он мог поклясться, что олит рассержен.

— Не стройте из себя простачка,— рявкнул Ачраней.— По указке стрифа вы играли с моим соотечественником, изучали его, как лабораторную крысу, а потом позволили выиграть и отправили домой. Олиты не любят, когда их выставляют...

— Эй! — прервал его Келли.— Одну минуту! С чего вы взяли, что я заодно со стрифом? Людей, так же как и олитов, привозят сюда насильно. Кажется, это какой-то психологический эксперимент.

Олит ответил долгим взглядом.

— Надо быть дураком, чтобы верить в такую чушь,— похоже, он начал успокаиваться.— Очень хорошо. Приступим к делу.

— Сначала я хочу сообщить вам о важных изменениях в правилах,— вмешался Слейч.— Вместо одной игры вы сыграете три. Тот, кто выиграет две игры, вернется домой. Проигравший лишится жизни.

Несколько секунд они переваривали слова стрифа.

— Что?! — взревел наконец Келли.— Вы не имеете на это права!

С другой стороны стола донеслось громкое шипение. Когти олита оставили восемь полос на гладкой полированной поверхности.

— Раз с этим все ясно,— невозмутимо продолжил Слейч,— можете начинать.

Келли коротко взглянул на Ачраней и поднял голову к потолку.

— Мы не будем играть на нашу жизнь. Это варварство, а мы цивилизованные существа.

— Цивилизованные,— даже компьютер не смог смягчить презрения, сквозившего в голосе стрифа.— Вы едва выбрались за пределы атмосферы и уже смеете называть себя цивилизованными. И твой соперник ничем не лучше.

— Мы контролируем сферу диаметром пятнадцать световых лет,— спокойно ответил Ачраней. Келли еще раз отметил умение олитов быстро укрощать гнев и брать себя в руки.

— Твои восемь планет ничто по сравнению с нашими сорока.

— Говорят, кейнзы бросили вам вызов всего с пятью?

— Кто такие кейнзы? — спросил Келли, с трудом подавляя желание перейти на шепот.

— Ходят слухи, что этот немногочисленный народ едва не покорил стрифов много столетий назад. Мы слышали эти истории от космических торговцев, но кто может поручиться за их достоверность?

— Вы можете начинать,— повторил стриф, игнорируя вопрос.

Келли вновь взглянул на олита.

— Я сказал, что мы не будем ставить на карту наши жизни!

В ответ в нескольких дюймах от его лица возник и взорвался уже знакомый огненный шар.

— Если вы не начнете игру, то оба

лишитесь жизни,— от бесстрастного голоса стрифа по спине Келли побежали мурашки. Ачраней, подумал он, несомненно прав. Психологией тут и не пахнет. Стрифы искали потенциальных врагов, и, судя по всему, люди и олиты занимали в их списке первые строчки. Выбора, похоже, не было.

— Кажется, нам не остается ничего другого, как начать.

Олит встал.

— Пожалуй, что так.

— Исход состязания важен для нас обоих,— сказал Келли, когда они вновь сели в кресла,— поэтому я предлагаю вам выбрать первую игру, а я внесу изменения в ее правила. Вторую игру назову я.

— Это справедливо,— подумав, ответил олит.— А как же третья игра?

— Пока не знаю.

Им потребовался почти час, чтобы договориться об условиях первой игры. Поправки, внесенные Келли, не изменили существа «небесного боя», как назвал игру Ачраней, и очень скоро олит праздновал победу в тренировочной партии. Келли почти не сомневался, что «небесный бой» являлся одной из основных дисциплин в космической академии олитов. Потому-то ходы фигур напоминали ему перемещения звездолетов в пространстве.

— Стриф не солгал, говоря, что вы еще не освоили межзвездных полетов? — спросил Ачраней, когда они расставили фигуры на исходные позиции.

— А? Нет, это правда,— рассеянно ответил Келли, не отрывая взгляда от доски.— Пока мы едва добрались до соседних планет.

— И тем не менее вы удивительно легко освоили тактику космического боя. Жаль, конечно, что вы не сможете оказать сопротивления стрифам, если те захотят вас уничтожить.

— Но зачем им это нужно? Мы не представляем для них никакой опасности.

— Если вы — типичный представитель земной цивилизации, то люди обладают исключительно острым тактическим мышлением. Эта черта делает вас важными союзниками или опасными противниками.

Келли пожал плечами.

— Может, они хотят наладить с нами контакт?

— Это маловероятно. Стрифы горды и уверены в том, что союзники им не нужны. Унижение, которому они подвергают нас, характеризует их отношение к жителям чужих планет.

Келли понял, что олит весь кипит и вот-вот последует вспышка гнева, и поспешил перевести разговор на другую тему.

— Да, конечно. Не начать ли нам вторую партию?

Борьба не получилась и в решающей партии. Келли сопротивлялся изо всех сил, но в трехмерном пространстве олит ориентировался куда лучше, чем он. Несколько фигур землянин просто зевнул. Мокрый от пота, он подолгу обдумывал каждый ход, но и это не по-

могло. Преимущество Ачраней нарастало, и скоро все было кончено.

Келли откинулся в кресле и шумно выдохнул воздух. Все нормально, сказал он себе. Разве мог он рассчитывать на победу в игре, когда все козыри были у олита. Теперь право диктовать условия переходило к нему.

— Вы выбрали следующую игру? — прервал Ачраней его размышления.

Коньком Келли были шахматы, но олит показал себя искусным стратегом, во всяком случае, в военных играх. Так что, выбрав шахматы, землянин шел бы на известный риск. Карты оставляли слишком многое на волю случая. Келли же искал игру, в которой он мог выиграть наверняка.

Действительно, а почему не предложить спортивную игру?

— Слейч? Мне нужен длинный стол, сетка, две ракетки и целлулоидный шарик.

— Игры, требующие специальной физической подготовки, запрещены,— ответил Слейч.

— Вы сказали, что мы вольны в выборе игр и их правил,— неожиданно вмешался Ачраней, и Келли с удивлением взглянул на олита.— Сейчас очередь Келли Макклеяна, и если он...

— Мы проводим психологические исследования,— возразил Слейч,— и нас не интересуют сравнительные возможности ваших мышц.

— Вы должны...

— Не надо, Ачраней,— остановил его Келли. Ему было стыдно за свое предложение.— Слейч прав. Я искал односторонних преимуществ. Это нечестно. Извините меня.

— Я вас не виню,— ответил олит.— Бесчестие лежит на тех, кто доставил нас сюда.

— Да,— кивнул Келли, посмотрев в потолок. Все встало на свои места. Их общий враг — стриф, а Ачраней — всего лишь соперник в игре. Если это имело какое-то значение.

— Хорошо, Ачраней, я выбрал. Мы будем играть в шахматы...

Ачраней так быстро освоил правила и ходы фигур, что Келли забеспокоился: а не было ли у олитов аналогичной игры? К счастью, перемещения коней оказались для олита полной неожиданностью. В части изменения правил Ачраней предложил разрешить пешкам ходить не только вперед, но и назад. Келли согласился, и они начали тренировочную партию.

И сразу же Келли столкнулся с серьезными затруднениями. Правило «реверсивной» пешки доставило ему массу хлопот. Через пятнадцать ходов он остался без обоих слонов и одного из драгоценных коней, а королева Ачраней примеривалась к его королю.

— Очень увлекательная игра,— заметил Ачраней, когда Келли удалось наконец отбить мощную атаку олита.— Вы, вероятно, имеете специальную подготовку?

— В общем-то нет,— ответил Келли, радуясь передышке.— Играю с друзьями для удовольствия. А что?

— Умение играть заключается в способности избежать, казалось бы, неминуемого поражения. Если исходить из этого критерия, вы добились многого. Келли пожал плечами.

— Вероятно, врожденные способности.

— На моей планете такое умение достигается долгими годами учебы,— Ачраней указал на доску.— У нас есть игра, похожая на шахматы. Если б я не был с ними знаком, то проиграл бы в несколько ходов.

— Понятно,— пробурчал Келли. Он давно заподозрил, что мастерство олита основывается не на везении новичка, но в глубине души продолжал надеяться на обратное.— Вернемся к игре?

В конце концов Келли выиграл благодаря тому, что оставшимся конем ему удалось поймать «на вилку» королеву Ачраней, а уж затем легко довести партию до победы.

В решающей партии олиту достались белые. Он начал ее ходом королевской пешки, землянин предпочел сицилианскую защиту. Оба играли очень осторожно, разменяв за первые двадцать ходов лишь по одной пешке. Ачраней методично готовил атаку, Келли собирал силы для ее отражения.

И вот начался решительный штурм. Когда «дым» рассеялся, с доски исчезла половина фигур, причем у Келли не хватало ладьи.

— Вы расстроены?

Вздвогнув, Келли поднял голову.

— Нет, просто...— ему изменил голос.— Просто немного нервничаю.

— Если хотите, сделаем перерыв, чтобы вы могли сосредоточиться.

Сочувствие олита разозлило Келли.

— Со мной все в порядке,— отрезал он.

Ачраней не сводил с него глаз.

— В таком случае я хотел бы прервать партию на несколько минут. Вы не возражаете?

Келли не сразу понял, в чем дело. Ачраней не нуждался в передышке. Одной ногой он уже был дома. Значит, предлагая прервать игру, он хотел помочь человеку? И, глядя на Ачраней, Келли видел, что тот полностью отдает отчет своим действиям.

— Хорошо,— ответил Келли после долгой паузы.— Давайте прервемся. Полчаса вас устроят?

— Конечно,— Ачраней поднялся из-за стола, скрестил руки в запястьях и вышел из лаборатории.

Полированный металлический потолок над головой Келли почему-то не отражал света. На мгновение землянин задумался над этим, но тут же его мысли переключились на более важные дела.

Как это ни странно, меньше всего занимал Келли исход шахматной партии. Да, позиция у него была хуже, но он уже нашел два или три удачных варианта продолжения. Точной игрой

он мог добиться победы и в этой партии.

И вот тут-то начиналось самое трудное, потому что в случае выигрыша им предстояла третья игра, которую не мог проиграть ни он, ни Ачраней.

Келли не хотел умирать. Он мог бы привести множество доводов, почему ему необходимо остаться в живых, хотя бы для того, чтобы сообщить на Землю о подоплеке этих «психологических экспериментов», но ему просто хотелось жить.

Поэтому, решил он, в третьей игре он должен отдать все силы, но победить.

С другой стороны...

Ачраней тоже имел право на жизнь. Мало того, что его силой заставили принять участие в исследованиях стрифов, он сознательно отказался от выигрыша второй игры. Возможно, не желание помочь товарищу по несчастью, а кодекс чести запрещал ему воспользоваться паникой соперника, но, так или иначе, лишь благородство олита открыло Келли путь к победе во второй партии.

Третья игра...

Какой она должна стать? Следует ли придумать игру, в которой не приходилось участвовать ни одному из них? Поставить врожденные способности человека против профессиональной подготовки олита? Это было бы справедливо, но стриф получал возможность еще лучше оценить их возможности, а Келли надоела роль подопытного кролика. Да и Ачраней, судя по всему, испытывал те же чувства. Правда, возникал вопрос: почему олиты не приняли ответных мер, если стрифы уже давно проводили с ними подобные эксперименты?

Возможно, они не знали, где находится Игровой Центр. Скорее всего они не могли проследить путь Трансферы...

— Теперь вы пришли в себя?— спросил олит, когда они сели к столу.

— Да,— кивнул Келли.— Большое вам спасибо. Мне действительно требовался отдых.

Келли уверенно продолжил партию, постепенно усиливая нажим. Заметив, как ревностно относится олит к своей королеве, землянин расставил ловушку, используя в качестве приманки ее царственную сестру. Ачраней не устоял перед искушением, и через пять ходов его позиция окончательно развалилась.

— Великолепная игра,— восхищенно, как показалось Келли, воскликнул олит.— Я совершенно не ожидал этой атаки. Я не ошибся, у вас уникальные логические способности. Люди прославятся на всю Галактику.

— Если нам удастся остаться в живых,— пробурчал Келли.— Пока мы не более чем пешки в чужой игре.

— Каждый из вас выиграл по одному разу,— вмешался Слейч.— Пришло время обговорить условия третьей игры.

Келли проглотил слюну и, подняв голову, встретился взглядом с Ачранеем.

— Есть идеи?— спросил он.

— Пока ничего полезного. Справедливее всего бросить жребий. Больше мне нечего предложить.

— И что дальше?

— Если я выиграю, то вернусь домой; если нет — обратный билет получите вы.

— Жаль, что мы не можем вызвать стрифа на поединок,— сухо заметил Келли.

— Полностью с вами согласен. Но вряд ли он решится принять наш вызов.

Последовала долгая пауза... и тут Келли осенило. Конечно, идея была рискованной. Стриф мог убить их обоих. Но если не воспользоваться ею... тогда смерть одного из них становилась неизбежной. Скрипнув зубами, Келли взглянул на олита.

— Ачраней,— медленно начал он,— кажется, я нашел подходящую игру. Прошу вас принять ее до того, как я объясню правила. Играть будем сразу, без тренировочной партии.

Длинная нижняя челюсть олита дрогнула, и несколько секунд Келли слышал лишь гулкие удары своего сердца. Наконец Ачраней склонил голову на право.

— Хорошо. Я верю в вашу честность.

— Слейч?— крикнул Келли.— Правила нашего состязания остаются в силе?

— Естественно,— последовал ответ.

— Отлично,— Келли глубоко вздохнул.— Итак, у нас есть два враждующих королевства и огнедышащий дракон, досаждающий им обоим. Вот подземная пещера дракона,— он поставил на игровую доску большую черную фишку, взял три дополнительные пластины и установил их одну над другой.— Одно из королевств называется Горным, второе — Равнинным. Горное королевство больше и сильнее. Вот его центр и границы,— Келли поставил на верхнюю пластину большую красную фишку и на радиусе восемь сантиметров разместил вокруг шесть фишек поменьше. Затем передвинул черную фишку так, чтобы она оказалась под одной из крайних красных, и взял большую желтую.— А это — Равнинное.— Келли поднес ее к средней из пластин. Его взгляд не отрывался от доски. Между пластинами примерно по де-

сять сантиметров... Он установил желтую фишку сантиметрах в тридцати пяти от центральной красной, так, что от черной она оказалась на десять-двенадцать сантиметров дальше. Затем на доске и пластинах появились тридцать две желтые и красные фигуры, по форме напоминающие бабочек.— Это наши войска. Для победы необходимо два условия. Во-первых, дракон должен умереть, во-вторых, войска одного королевства не должны угрожать другому. Понятно?

— Кажется, да,— Ачраней внимательно разглядывал доску.— Что надо сделать, чтобы съесть фигуру противника?

Келли определил, что сражение между фигурами Горного королевства и Равнинного возможно, но для уничтожения дракона требовались совместные усилия красных и желтых фигур. Одним ходом разрешалось переставлять фигуру на две клетки на одном уровне или с уровня на уровень.

— Есть вопросы? — заключил Келли.

— Нет. Кто ходит первым?

— Я, если вы не возражаете,— и, взявшись за фигуру, стоящую ближе других к Горному королевству, землянин двинул ее к пещере дракона. После короткого колебания Ачраней последовал его примеру. Красные и желтые бабочки одна за другой слетели вниз и скоро сомкнулись вокруг черной фишки.

Дракон приказал долго жить.

— А теперь?.. — Ачраней застыл, наклонившись вперед. Последним ходом олит снял дракона, его фигуры перемешались с фигурами Келли, и тот мог...

Землянин улыбнулся и уселся поудобнее.

— Ну, дракон мертв, а позиция такова, что ваши силы не угрожают моему королевству. Исходя из условий игры, я выиграл.

С другой стороны стола донеслось громкое шипение, и на его гладкой поверхности появилось восемь свежих царапин. Келли затаил дыхание. Ачраней достаточно умен, чтобы...

— Но моему королевству также ничто не угрожает,— сказал Ачраней.— Значит, я тоже выиграл.

— Неужели? — картинно удивился Келли.— Будь я проклят, вы правы. Поздравляю,— он посмотрел в потолок.— Слейч? Мы оба выиграли третью игру и можем ехать домой. С вашего разрешения мы расходимся по Трансферам.

— Нет,— отрезал стриф.

К горлу Келли подкатил комок.

— Почему нет? Вы сказали, что тот,

кто выиграет две игры, вернется на родную планету. Вы же сами установили это правило.

— Теперь я его изменю. Только один из вас может покинуть Игровой Центр. Вы должны выбрать новую игру.

Слова Слейча повисли в воздухе как смертный приговор. Келли сжал кулаки. В общем-то, он и не ожидал, что стрифы сдержат слово. Он давно понял, что для них это далеко не игра... Но у него оставался последний козырь.

— Я отказываюсь участвовать в ваших экспериментах,— твердо заявил Келли.— Мне надоело быть пешкой. Катитесь вы к чертовой матери!

— Отказ от игры равносителен поражению,— напомнил Слейч.

— Подумаешь! — фыркнул Келли.— Все равно вы собираетесь уничтожить Землю. Так какая разница, где умирать.

— Хорошо,— после короткого молчания ответил Слейч.— Ты выбрал сам. Ачраней, пройди в Трансферу.

Олит не спеша поднялся из-за стола. Пристально взглянув на Келли, он скрестил руки в запястьях и, не сказав ни слова, вышел из лаборатории.

«Бюро Инопланетной Жизни, Клерс. Директору Родау
СРОЧНО

Дорогой Родау!

Дела обстоят гораздо хуже, чем ожидалось, и я вношу официальное предложение о полном уничтожении людей и их планеты. Человеку удалось создать игру, в которой смогли одержать победу и он, и его соперник. Тем самым он продемонстрировал редкую способность сотрудничать с другими обитателями Галактики. Мы не имеем права игнорировать опасность, которую может представлять для нас союз Земли с одной из более развитых цивилизаций. Если бы кейнзы умели находить союзников, мы бы их не остановили.

Для обеспечения эффективности экспедиции уничтожения потребуется полное психо-физиологическое анатомирование находящегося у нас человека. Прошу вас как можно скорее прислать специалистов и необходимое оборудование.

Элфис,

Директор Центра Игровых
Исследований, Вар.-4
21 лисмо 3829 года».

Слабый скрип, едва проникающий сквозь металлические стены комнаты отдыха, стал первым признаком окончания долгого ожидания. Чуть позже дверь раскалилась добела и рухнула

на пол. В проем ворвались три фигуры в белых скафандрах и всунули Келли в большой прозрачный мешок с прикрепленными к нему баллонами воздуха.

— Келли Макклеин? — послышался металлический голос.— С вами все в порядке?

Трое незнакомцев подхватили мешок и потащили к выходу.

— Все отлично,— ответил Келли.— Это вы, Ачраней?

Ответ пришел лишь через пятнадцать секунд. Компьютер олитов, несомненно, уступал электронному переводчику стрифов.

— Да. Я рад, что вы живы.

— Я тоже,— Келли широко улыбнулся.— Как хорошо, что вы все поняли. У меня не было полной уверенности.

Его пронесли мимо ниши Трансферы. В потолке зияла дыра диаметром метра в полтора с зазубренными краями.

— Я все понял, но боялся, что меня не выпустят отсюда после того, что я увидел на игровой доске.

— Я тоже, но, судя по всему, волновались мы напрасно.— Губы Келли вновь расплылись в улыбке. Как приятно осознавать, что у тебя есть друзья.— Стриф ничего не заметил. Тот самый случай, когда за деревьями не видят леса. Он слишком долго смотрел на четырехъярусную доску, и ему и в голову не пришло, что у нас она сразу же ассоциировалась с «небесным боем». Он воспринял наши королевства буквально, в то время как мы видели не разноцветные фишки, но реальные объекты. Я надеялся, что вы все поймете и сопоставите относительные расстояния между нашими звездами и Игровым Центром.

Мешок с Келли подтащили к дыре и зацепили двумя тросами.

— Хорошо бы, чтоб удача осталась с нами и в будущем,— сказал Ачраней.— Мы уничтожили базу стрифов. В ответ они направят сюда крупные силы. Мы уже наладили контакт с Землей, но пока не договорились о совместных действиях. Мы рассчитываем, что вы поможете нам убедить людей в необходимости борьбы со стрифами.

Тросы натянулись, и мешок медленно пошел вверх.

— Я уверен, что Земля не останется в стороне,— ответил Келли.— Я сделаю все, что в моих силах. Мы покажем стрифам, что и пешки способны на многое.

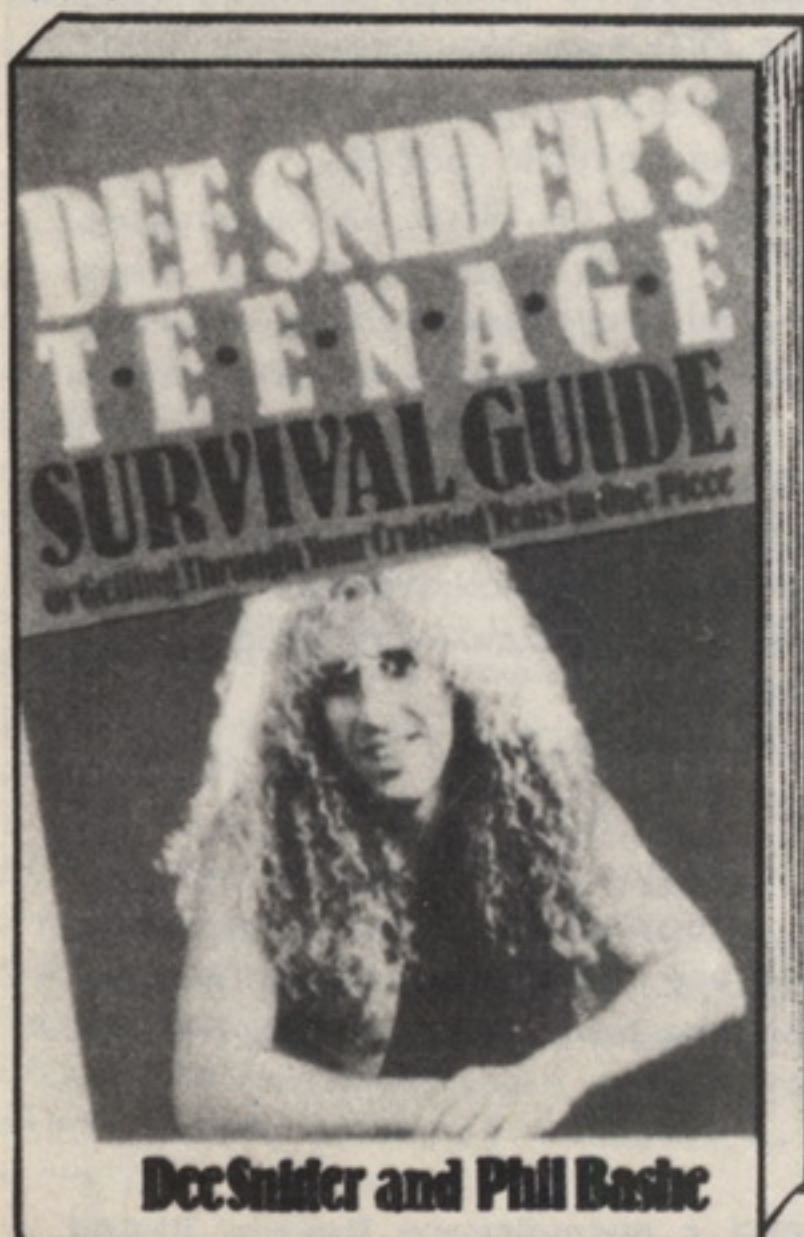
Перевел с английского Виктор ВЕБЕР

ИЗОБРЕЛИ ЭТУ ИГРУ ХАЛДЕЙСКИЕ МУДРЕЦЫ, и правила с тех пор практически не изменились. Под разными именами она была известна в Египте и Древнем Риме, ею увлекались фараон Тутанхамон и императоры Клавдий, Домициан и жестокий Калигула, который бессовестно жульничал. Марк Антоний, говорят, играл в нее с прекрасной Клеопатрой, а Нерон проматывал целые горы сестерциев. Во времена 3-го Крестового похода Ричард Львиное Сердце и Филипп Французский издали специальный эдикт, запрещавший играть в нее солдатам, дабы не отвлекались от ратных дел. Испанцы обнаружили похожие доски у ацтеков. А в наши дни игра переживает период возрождения — работает множество клубов, проводятся турниры, национальные команды объединились в Европейскую ассоциацию, а недавно создана и Всемирная лига игроков в нарды.

АМЕРИКАНСКОГО МУЗЫКАНТА,

лидера и вокалиста группы «Твистед систер» Ди Снайдера американские же моралисты обвиняли в дурном влиянии на подростков. Ди Снайдер устал объяснять, что это не так, и выпустил книжку советов для своих юных почитателей. Вот некоторые из них: «Не влюбляйтесь только потому, что влюбился ваш знакомый, подождите — это придет само». Или: «Неправда, что наркотики или алкоголь помогают справиться с неприятностями, они помогают разделаться с вами». И еще — об отношении к учебе: «Не стесняйтесь задавать учителям вопросы, понять предмет куда легче, чем вы думаете. Не надо только поддаваться панике и твердить: «Я этого не понимаю и никогда не пойму». Последний совет адресован родителям: «Не стесняйтесь задавать вопросы детям — может, вы когда-нибудь и поймете их. Главное — выслушать ответ».

НАШИХ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ ОЖИДАЕТ ВСТРЕЧА со вторым фильмом телесериала «Спрут», в котором обаятельный комиссар Каттани, в исполнении Микеле Плачидо, продолжает борьбу с мафией. А в Италии вышла третья серия. Сценаристу сериала — Эннио Де Кончини — «Спруты» принесли куда большую известность, чем предыдущие работы в кинематографе. А ведь он написал сценарии таких отличных фильмов, как «Развод по-итальянски» (режиссер П. Джерми), «Крик» (М. Антониони) и «Война и мир» (К. Видор). На вопрос журналистов, помышляет ли он о четвертом «Спруте», Де Кончини ответил коротко: «Баста, надоело!»

«БУДЕШЬ ЛИ ТЫ МОИМ СОСЕДОМ!» Детская программа «Мистер Роджерс и его соседи» выходит на американские телеэкраны уже почти двадцать лет. И все американские дети знают и любят Сову Икс, Кошечку Генриетту, Тигренка Даниэля и, конечно же, режиссера и ведущего Фреда Роджерса точно так же, как наши дети любят и знают Хрюшу, Филлю, Степашку и Тетю Таню...

Недавно Тигренок Даниэль приехал в гости к Хрюше: мистер Роджерс с Тигренком Даниэлем решили построить мостик между советскими и американскими детьми.

После общения с Хрюшей Тигренок Даниэль не только выучил русские слова «здравствуйте», «пожалуйста» и «спасибо», но, вернувшись в Америку, смог спеть по-русски традиционную песенку из передачи Фреда Роджерса «Будешь ли ты моим соседом?».

В 1916 ГОДУ МАЛО ЕЩЕ КОМУ ИЗВЕСТНОМУ ХУДОЖНИКУ-ИСПАНЦУ предложили написать декорации к «русскому балету» «Парад». От юного Пабло Пикассо ждали «окультуренного воплощения цирка», но он вдохновился образами нищих акробатов у парижских ворот и вместе с композитором Эриком Сатти осуществил балет «революционно-реалистический». Всего несколькими линиями художник создавал нужную атмосферу, это его умение проявилось еще не раз — в оформлении «Треуголки» де Фальи, «Антигоны» и других спектаклей. Русский балет Дягилева стал поворотным пунктом в биографии Пикассо, он принес ему опыт, известность.

НЕДАВНО ДЖЕЙМС БОНД, агент 007, отпраздновал свой юбилей. Вот уже четверть XX века он спасает «свободный» мир. От кого? Нетрудно догадаться — от нас с вами, дорогой читатель. От «коварных советских шпионов».

Создатели фильмов об агенте 007 прекрасно знают, что зритель искусленный не воспринимает «бондиану» всерьез, считает ее пародией на шпионские фильмы, но вот зритель неопытный, не обремененный культурой, свято верит в то, что «в кино — как в жизни». На таких-то зрителей и расчет.

Родитель Джеймса Бонда, Изн Флеминг, до того как стать писателем, был кадровым офицером британской разведки. И первый фильм по его произведению был снят по прямому что ни на есть социальному заказу: к началу 60-х британское общество было потрясено серией политических скандалов, в которых родная секретная служба выглядела отнюдь не лучшим образом. Так что надо было срочно спасти ее престиж. Неизвестно, спас ли образ агента 007 престиж британской разведки, а вот престиж актеров, воплощавших его на экране (в отличие от Бонда актеры старели и их приходилось менять), изрядно пострадал. На снимках (сверху и внизу) три самых известных Бонда: Шон Коннери с красавицей, Роджер Мур с красавицей, Тимоти Долтон с красавицей же.

Чем еще я могу быть полезен? Меня убеждают, пусть бы и ради моего покоя, что я могу помочь молодым понять: долгая и страстная жизнь предпочтительнее жизни короткой и суетливой... Воодушевляет, когда в 82 года можешь помочь людям жить.

Мой образ жизни и взгляды на мир с годами уже вряд ли изменятся. Какие есть, такие есть. Верю в то, во что верю. Избрал в жизни то, что избрал. Отсюда и все эти маленькие законы, которые жизнь заставила меня открыть, поскольку невозможно было быть менее образованным, чем я в 12 лет, когда мне пришлось зарабатывать гроши, чтобы помочь мамаше Шевалье свести концы с концами.

Мое преимущество в том, что я могу говорить про то, что пережил, а не толковать то, что мне приснилось... Если удастся прояснить свою точку зрения какому-нибудь из слишком торопящихся по-выше прыгнуть мальчиков, это будет лучшая песня, которую я когда-либо спел.

Будущее уже не принадлежит мне, я напроочь отделен от прошлого, каким бы оно ни было — я уже не могу его изменить. Будущее же будет таким, каким его делает наш горячий мир. Не мне лезть в будущее. Это ваша кастрюля, всех вас, молодых, менее молодых и уже давно не молодых людей, бегающих быстрее, чем мне по силам. Если моя жизнь может служить вам советом не давить на педаль акселератора что есть сил, я буду благодарен вам за то чувство гордости, которое испытываю, зная, что кого-то все-таки образумил. Если же вы сочтете меня одним из тех старых сверчков, треск которых вам сильно надоел, то бегайте и впредь так быстро, как считаете нужным, а я закончу жизнь в поисках любви и мудрости, без тепла которых никакая жизнь не стоит быть прожитой.

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ: иной раз сдержанные аплодисменты свидетельствуют об успехе, а бурные овации часто означают провал.

Мне жалко тех, кто, работая, презирает свою работу по какой бы то ни было причине. Тех, кто быстрее спешит покончить с порученным

СОВЕТЫ МАЭСТРО

«Если бы в наше время, когда артистов награждают Оскарами, разными почетными отечественными и международными званиями, мне предложили выбрать то, какое мне больше всего по душе, я не стал бы искать его среди Командоров, Великих Канцлеров и прочих степеней ордена Почетного Легиона. Нет, я бы попросил, чтобы мне присвоили звание Мастерского Франца». Так написал звезда из звезд французской эстрады Морис Шевалье, — певец, композитор, киноактер, поэт, писатель.

Он родился в 1888 году. Начинать петь в кафе, мюзик-холлах. Когда ему было двадцать лет, его песни запела вся Франция.

«Вчера вечером французское радио, — записал Шевалье в своем дневнике, — транслировало посвященную мне передачу, в которой песни, которые я пел больше полувека, звучали по радио как мелодические воспоминания. Лучшие молодые актеры мюзик-холла и театра выразили свое уважение и симпатии ко мне, исполнив некоторые мои песни, прочитав то, что написали обо мне Жан Кокто, Коlette и Андре Моруа (поэт, писательница и писатель). И все мои близкие, собравшись в гостиной, внимательно слушали в течение часа двадцати минут этот каскад ритмов и веселых мотивов. Мне казалось, что я — обвешанный медалями наполеоновский ветеран, которого чествует Франция. Она улыбается мне и нежно похлопывает по моей доброй старой соломенной шляпе».

Советы Мориса Шевалье, которые мы предлагаем вам прочесть, адресованы актерам — величайшие певцы считали за честь называть себя учениками Шевалье, — но не только им. Любите стариков — в этом благородство и спасение вашей личности, это совет, который не написал Шевалье, но который почерпнет в его рассказе о себе каждый, кто молод, красив, умен и наделен тонкой душой.

делом, потому что оно скучно. Вероятно, это так же неприятно, как если бы тебя заставляли есть то, от чего выворачивает душу. Я не критикую таких людей, знаю, что жизнь не всем позволяет сказать то, что однажды сказал знакомый мне художник: «Что вы хотите, Морис... Я делаю то, что люблю, и мне за это еще и платят».

Есть работа, лишенная выдумки, бесполезная по своей сути, когда от тебя требуется только одно: сделать ее, чтобы не быть уволенным.

Но, нужно признать, есть люди, которым выпало счастье найти свое призвание, кому работа открывает убежище от трудностей жизни, накапливающихся по мере преобразования мира.

Нужна счастливая звезда. Где ее взять?

Я решил попробовать петь только потому, что моя мать была против того, чтобы я продолжал тренироваться и стал акробатом. Тогда я подумал о песне, не имея, как я тогда считал, за душой ничего — ни голоса, ни специального образования, ни толковых советов, ни особого ума — ничего, чтобы могло меня воодушевить.

Единственное, что привлекало меня на сцене, если быть искренним, так это то, что не нужно было вставать ни свет ни заря, как моим братьям, работавшим в мастерских. Все мои амбиции ограничивались заработком на тарелку супа. Никаких мыслей стать звездой или даже полувзвездой. Выжить — вот каким был весь мой кругозор...

Уже потом, глядя на результаты своей новой работы, мне пришлось почувствовать признательность к моему ремеслу, но потребовалось достаточно рассудительности, чтобы понять, какое счастье свалилось на меня, и отдать ему всю свою веру и преданность. Очень скоро я обнаружил, что работа, которая начиналась с «будь, что будет», стала моим самым большим другом. Я начал ее любить, обожать, потом боготворить.

Работа была для меня больше, чем работа. Такая, она меняет в жизни все, что может быть изменено.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ: певец должен убеждать, не хватая публику за грудки. Рампа для того и существует, чтобы ар-

тист оставался на своем месте. На сцене.

Каждый артист в конце концов познает правду о себе. Но еще до того он может попасть под колеса собственной популярности. Трудно вынести слишком большое количество чужих глаз. И уж точно никто не может во всем доказать свою правоту. Никто не может быть вечно привлекательным, тем более совершенством во всем и всегда...

Неизбежно рано или поздно, нередко слишком поздно, человек, опередивший себя в своем деле, возвращается к своему истинному призванию, чтобы стать похожим на самого себя и попробовать навестить упущенное...

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ: опасно думать, что ты уже выиграл, но еще опаснее думать, что ты уже проиграл.

Как-то мне попала в газете крохотная заметка, в которой сообщалось, что в Западной Германии некто Юрген Петерс, 18-летний парнишка, работавший на заправочной станции, взобрался на крышу водонапорной башни, решив по каким-то своим причинам покончить с собой. Парень долго стоял на краю крыши, колебался, а потом, видимо, пересилив себя, стал спускаться вниз. Кто-то приставил ему лестницу.

Вокруг башни собралась изрядная толпа зевак, с самого начала наблюдавшая за этой трагедией. Из толпы кто-то крикнул: «Прыгал бы уж, бездельник. Чего струсил!» Услышав этот крик, Юрген Петерс вновь поднялся на башню и уже без колебаний кинулся вниз. Он умер по дороге в больницу.

Толпа может мгновенно переступить порог между самой кровавой жестокостью и самым безупречным великодушием. Прокручивая в памяти историю о том парнишке, я вспомнил, как в 1922 году, решив, что жизнь не удалась, я вздумал застрелиться. Помню тот ужасный миг, когда, зарядив револьвер, я сунул дуло в рот и стал играть курком. Потом... потом искра здравого смысла поразила меня, и в холодном поту я прекратил ужасное заигрывание с пистолетом и пришел в себя. Я, как тот пар-

нишка, оказался либо недостаточно смелым, либо достаточно рассудительным, чтобы не испытывать судьбу до конца. Тому минуло уже много лет, в которые случились самые радостные минуты моей жизни.

И я с содроганием думаю, если бы в тот злополучный миг кто-нибудь закричал мне: «Стреляй же, бездельник! Трус!», я бы не пытался сегодня понять, до какой степени толпа может оказаться жестокой, если потеряет голову вместе с сердцем. Все мы знаем слова великого Монтеня: «Судя о чьей-то жизни, я всегда спрашиваю, как протекал ее конец». Великий вопрос, как достойно прожить жизнь. Его никогда не задаешь себе в молодости. В двадцать, двадцать пять кажется, что молодость будет вечной. Ты сильный, ты любишь жить, любишь отдавать и получать. Да что там! Любишь все и думаешь, что так будет всегда. И все же вам предстоит узнать, почему в сорок лет человек старается быть и жить так, как если бы ему не было сорока. Я не о высоком, не о творчестве. О самом земном. Портного он просит сшить самый модный костюм, парикмахера сделать самую модную стрижку, помоложе. Человек сорока лет начинает жить блефуя. Он по-прежнему думает, что полон сил, и умудряется пользоваться всем, что ему преподносит жизнь. Он, то есть вы, крепко. Единственное, чего вы не выносите, — это цифр больше сорока.

В пятьдесят вы научитесь говорить сами с собой. Будете вести долгие беседы: «Скажи-ка, приятель, ты хоть понимаешь, что тебе полсотни лет?»

— Ну да, что с того?

— А то, что пора подумать о куче разных вещей...

— Каких таких вещей?»

Вы так, вы эдак, и вдруг до вас доходит, и вы начинаете хохотать: в конце концов все это еще не трагедия! Ну что же, вам пятьдесят, но...

Но когда вам будет шестьдесят, вы научитесь выбирать

между тем, что вы любите особенно сильно, и тем, без чего невозможно обойтись. Вы инстинктивно чувствуете: настало время быть экономным. Экономить все, на чем еще можно экономить. Наступает время умеренности во всем. Кроме того, с вами случаются странные вещи: вы все чаще принимаетесь за дела, которые, ясно, не успеете закончить. Вами овладевает паника. В семьдесят, однажды увидев в зеркало свои глаза, вы с грустью скажете: «Вот так, милочек, вот и случилось. Ты уже стар и не выкрутишься. Соглашайся и будь благородным. Именно благородным. Иного выхода у тебя нет».

Когда вам семьдесят, вы становитесь по-настоящему неожиданно скромным и смиренным, потому что вдруг понимаете: вы невероятно счастливый человек, вы еще ходите по земле.

Ходите, а не бегаете — ни за чем, ни за кем бы то ни было. Если что-то или кто-то проходит стороной, вы думаете: гуд бай! досмотрю на Луне. Нет, серьезно, в семьдесят лет, обладая толикой разума, можно быть почти философом.

Семьдесят пять. Тут вы говорите себе: «Старуха — имея в виду мадам Жизн, — наша морковка съедена, но ведь мы еще не чувствуем себя потерянными, почему бы интереса ради не дотянуть до 80. Хорошая цифра: 80. А?»

И вы идете вперед на мысочках, осторожно, дрейфите, но идете, заиклившись на самой идее дойти, может быть...

Восемьдесят... Есть!.. Что за чудо. Вы правильно сделали, решив подчинить всего себя этому единственному рекорду.

Вы говорите себе: дорогой, можешь теперь поздравить себя, потому что восемьдесят годков и без особых потерь — в этом что-то есть, что-то славное. Особенно, если сравнивать себя с многими не такими стариками.

А потом подходит 81... 82.., и тут вас прошибает догадка: продолжать сражаться уже ничего не значит, настало время понять — после восьмидесяти уже сделано лучшее из того, что вы умели делать лучше всего. Нельзя все время идти вперед... остается только удержаться, чтобы не упасть в последний раз. Вот таких мыслей избегайте, если возможно. Ваше время — время принятия жизни, возвращения к корням своего детства, упрощения жизни и отрицания отчаяния, которое тем не менее единственно доступная вещь, когда время начинает пахнуть землей. Теперь очень нужно найти повод громко рассмеяться. Я нашел: во время прощального турне в 82 года я оказался в маленьком городке, где после концерта мне представили столетнего старичка. Я был взволнован и искренне сказал: «Месье, считаю за честь пожать вашу руку». А он мне в ответ: «Что вы, месье Шевалье, я видел все голливудские фильмы с вашим участием, когда был еще совсем мальчишкой!» Вот так.

ПРАВИЛО ЧЕТВЕРТОЕ: артист на протяжении всей своей карьеры продолжает загадочный и непрерывный разговор с публикой. Если он часто повторяется, публика отворачивается от него, чтобы переменить тему разговора.

...Я часто прогуливаюсь по Латинскому кварталу, тихо, не создавая сквозняков, и, хотя мне случается встречать взгляды, проявляющие к моей персоне полное безразличие, большинство глаз все-таки не обманывают. Они больше, чем согласие с моей жизнью. Они — дружеское рукопожатие взглядом. Мы, старики, не в состоянии понять, каким образом эта молодость сумела так быстро научиться всему, для чего нам потребовалась целая жизнь...

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Подходят к концу съемки фильма о жизни Чака Берри, в котором участвуют самые выдающиеся гитаристы нашего времени: Эрик Клэптон, Кейт Ричардс, Роберт Крэй... Почему Роберт Крэй? Этот вопрос задал и сам Крэй, когда ему предложили роль.

Прежде он никогда не был в центре внимания, хотя заведовал небольшим клубом на Западном побережье США оценили Роберта Крэя еще 13 лет назад — его группа впервые выступила в этом клубе. То были годы восхождения диско, и большинство черных музыкантов стали приверженцами этого эффектного стиля. Крэй же играл музыку своих предков, несмотря на то, что блюз никогда не был источником солидных доходов.

Шло время. В 1986 году два альбома Крэя возглавили хит-парад английских независимых фирм грамзаписи, и гигант пластиночной индустрии фирма «ПолиГрэм» предложила музыканту долгосрочный контракт. Говорят, вначале Крэй отказался — долгосрочные контракты потеряли уже многих... Говорят, и «ПолиГрэм» не очень упорствовала, хотя фирма крайне нуждалась в инструменталисте, который пользовался бы авторитетом среди коллег-музыкантов. Но, как бы там ни было, на какой-то стадии их интересы совпали, и контракт — не очень обременительный для Крэя — был подписан. Но кто мог предположить, что новый альбом Роберта, «Веский аргумент», станет всего за несколько месяцев «платиновым», а сам Би Би Кинг¹ назовет его «жемчужиной блюза»?!

Би Би Кинг без тени иронии называет Крэя гением, но если мы привыкли слышать, что успех — это талант плюс работа, то в данном случае речь идет о каторжной работе: «В 1984 году мы выходили на сцену 255 раз, в 1985-м — 244, — говорит Крэй. — При такой работе разве можно заводить семью? Поэтому в моей жизни достаточно сердечных проблем, — смеется он. — Вот вам и темы для блюзов!»

Возможно, в успехе «повинны» и песни о неразделенной любви, но прежде всего Крэй — уникальный гитарист. Я бы назвал его манеру элегантно и даже несколько чопорно: он способен на та-

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ГИТАРИСТ

Мартин ПЛИММЕР,
английский журналист

Ровесник

кие скоростные пассажи, от которых столбенеют знатоки «спид-металла», но при этом каждая нота, каждый аккорд звучат невероятно чисто, без «смазок», которыми грешат многие гитаристы. А когда он исполняет медленный блюз, кажется, что замирает время: тягучие низкие звуки лениво обволакивают секунды и те застывают испуганно, не в силах продолжить бег, а потом всплеск, каскад ультра-высоких нот, в которых обнажается душа древнего блюза, и вновь мелодия погружается в штиль. Крэй знал, что на съемках ему не придется краснеть, но вряд ли он предполагал, что Чак Берри, сам Чак Берри, один из «отцов-основателей» гитарного рок-н-ролла, скажет: «Простите, Эрик и Кейт, но сегодня этот парень самый виртуозный гитарист в мире!»

«ПолиГрэм» оказалась права: Роберт Крэй — музыкант для музыкантов. Самым горячим поклонником его таланта стал Кейт Ричардс из «Роллинг стоунз» — именно он рекомендовал Крэя для съемок фильма о Берри; Клэптон записывает его песни (композиция Крэя «Дурное влияние» в исполнении Клэптона все лето возглавляла американские хит-парады), Джимми Пейдж записывает с ним сорокапятку и на пресс-конференции говорит журналистам, что впервые сталкивается с гитаристом, у которого он сам может поучиться. Би Би Кинг, выступив в одном концерте с Робертом, представил его как «спасителя блюза».

Бремя славы не сделало Крэя заносчивым: он так же не любит говорить о себе, как и в период полной неизвестности, во время интервью смущается и не знает, куда девать свои «золотые» руки. Ему 33 года, он очень вежлив, внимателен, но не суетлив, исполнен чувства собственного достоинства. Это серьезный человек.

Роберт Крэй вырос в семье американского военнослужащего и в детстве много переезжал с места на место: «Отец был большим любителем музыки, но отдавал предпочтение джазу и соул. Мама коллекционировала пластинки Бобби Бленда, Сэма Кука и очень любила госпелс. Когда отца послали в ФРГ, я большую часть свободного времени проводил дома у проигрывателя —

там для меня было не слишком много развлечений. Потом мне пригласили учителя музыки, и я очень долго занимался фортепиано. Видите ли, отец хотел, чтобы я стал Рэем Чарлзом»².

В 1965 году Роберт впервые услышал «Битлз» — он бросил фортепиано и принялся осваивать гитару. К 12 годам Крэй уже был помешан на рок-группах: «Тогда мы не знали слова «рок» — поп-музыка, это было для нас все: и «Битлз», и «Роллинг стоунз», и Элвис... И только в старших классах я заново открыл для себя музыку моих родителей. Дело не в том, что она была, скажем, лучше рока, просто качество исполнения, техника и приемы игры выглядели на порядок выше. Я очень любил «Роллинг стоунз», но мне и в голову не пришло бы сравнивать в то время технику Брайана Джонса³, хотя он, несомненно, был выдающимся гитаристом, точнее, стал бы им, — и Би Би Кинга. Я помню, как мы с друзьями сидели у проигрывателя, пытались копировать манеру игры Бадди Гая и Би Би Кинга. Тогда-то я и стал фанатиком блюза».

Свою группу Роберт собрал в 1974 году, его бывший одноклассник Ричард Казинс стал бас-гитаристом: «Нам было по двадцать лет. Мы ездили на концерты автостопом — у каждого спальный мешок, любой куст становился домом, и, вы знаете, в этом тоже была своя прелесть. Мы играли вещи Би Би Кинга и Илмора Джеймса⁴, очень большое влияние на меня оказала музыка «Лед зепелин» — я считал и до сих пор убежден в том, что Джимми Пейдж — один из величайших блюзовых гитаристов. Мы давали по четыре-пять концертов за вечер». В 1976 году группа стала сопровождать знаменитого блюзмена Альберта Коллинза, который не только многому научил музыкантов в профессиональном плане, но и стал для них как бы «крестным отцом».

Впервые группа записалась восемь лет назад, но фирма отложила на два года выпуск пластинки, а потом и вовсе аннулировала ее: «Но мы продолжали работать. Ни один музыкант не ушел из группы». Следующий шанс представился через четыре года, и пластинка «Дурное влияние» была очень тепло

встречена любителями блюза в Англии.

Эксперименты Крэя в области блюза возродили интерес к этой музыке, и теперь Роберта всегда окружает толпа ее поклонников.

Конечно же, придирчивому слушателю может показаться, что голос Крэя слишком хорошо поставлен, чтобы петь блюз, что это голос певца соула. И действительно, лучшие песни Крэя ближе к соулу, чем к чистому блюзу. В то же время такое толкование было бы слишком примитивным, поскольку нельзя словами раскрыть тайну музыки: в песнях Крэя иногда слышится прямо-таки первобытный зов, но это не «зов плоти», а крик души из мрака одиночества. Его песни — об обидах и обманах, об одиночестве и неразделенной любви, о горе и радости, это блюзы, а блюзы всегда устремлены в глубь души.

В группу Роберта Крэя — «Роберт Крэй бэнд», — сейчас входят: Ричард Казинс, бас; Дэвид Олсон, ударные; Питер Боу, клавишные, и сам Роберт, гитара, вокал. «Можно сказать, что мы — семья, — говорит Роберт. — И отношения как в семье — мы ссоримся, обижаемся, но в конце концов взаимопонимание расставляет все по своим местам и мы снова друзья. Мы разъезжаемся после гастролей, а через пару дней начинаем тосковать друг без друга и без своей работы».

Вначале у группы не было репетиционного зала, поэтому музыканты разучивали свои партии по домам и, не сыграваясь, выходили на сцену — представляете себе, какой техники это требует, какого врожденного дара импровизации!

«Сейчас самое главное — не останавливаться. Очень привлекает жесткий блюз, которого пока не существует, — многие думают, что если просто играть медленно, получится блюз. Чепуха! Получится медленная бесформенная. Ближе всех к настоящему блюзу подошли «Лед зеппелин», но даже такой музыкант, как Пейдж, уже достиг своего «потолка», и ждать от него чего-либо нового не приходится. Би Би Кинг никогда не станет играть хард-рок или «металл»... Остаюсь только я, у меня еще большой запас «высо- ты».

Лично я не сомневаюсь,

что Крэй способен реанимировать и зашедший в тупик хард-рок, тем более что его композиторские и исполнительские способности уже находят отклик у поклонников этого жанра. Но, на мой взгляд, важнее другое — отношение Крэя к музыке, его уверенность в созидательной силе искусства, в конце концов, его возмужание как музыканта и человека: «Когда мы начинали играть, нас больше всего привлекало то удовольствие, которое испытывали от нашей музыки мы сами. Становясь старше, мы начали понимать, что, кроме этой радости, существует и другая — радость взаимопонимания музыкантов и слушателей, причем взаимопонимания не на примитивном уровне «исполнители — поклонники», а человеческое взаимопонимание. Артист должен быть интересен и как человек — сценический имидж всегда подразумевает определенную долю фальши. И я рад, что слушатели понимают меня по-человечески, так же, как и я их. Что же касается блюза... Даже если мы потеряем свой контракт, мы все равно будем играть блюз».

Перевел с английского
В. ЛИПАТОВ

¹ О выдающемся американском блюзовом гитаристе Би Би Кинге «Ровесник» писал в № 8 за 1979 год. — Здесь и далее прим. ред.

² Рэй Чарлз (родился в 1930 г.) — американский певец, композитор и пианист, считается создателем музыки соула; его эксперименты с госпелс, блюзом и кантри-музыкой внесли большой вклад в развитие рока. Песни Рэя Чарлза исполняли многие известные музыканты — от «Битлз» и «Тин Лиззи» до Бой Джорджа и Принца.

³ Брайан Джонс (1942—1969) был гитаристом группы «Роллинг стоунз».

⁴ Илмор Джеймс (1918—1963) — американский блюзовый гитарист. Его композиции играли выдающиеся рок-гитаристы современности — Эрик Клэптон, Джон Майалл, Джордж Таргуд, Питер Грин и многие другие.

ПРИВЕТ, ФЕДЕРИКО!

Серджо ДЗАВОЛИ,
итальянский журналист

Хроника одного утра. Он только что вернулся из Москвы, где жюри Международного кинофестиваля присудило ему, уже во второй раз, высшую награду. Первый раз ему вручили первую премию в 1963 году за фильм «Восемь с половиной». Теперь — фильм «Интервью». Это не случайное совпадение, это признак нового московского времени.

Итак, раннее утро на Пьяцца дель Пополо. «Привет, Федерико! Поздравляю!» — кричит проезжающий мимо таксист. Феллини кивает, и таксист дает газу, уверенный в том, что установил с режиссером дружеские отношения. То же в баре. Из-за стойки слышится: «Привет, доктор! Здорово у вас получилось!» Подходит какой-то парень, можно подумать, что он весь извелся, потерял сон и аппетит и жаждет, чтобы ему наконец открыли правду: «Все хорошо прошло, Федерико?» Феллини голосом, полным намека на некую важную тайну, на которую как бы намекал незнакомец, успокаивает его, и парень, облегченно вздыхая, удаляется. Приближается сеньор солидной наружности: «Как дела, Федерико?» Феллини, погруженный в свои мысли, поддерживает разговор: «Хорошо, а у тебя?» И вот он уже втянут в диалог, составленный в самой изысканной форме, — правда, собеседника он видит впервые.

«О Федерико, ты лучший в Риме!» — кричит парнишка на велосипеде, парнишка выполняет сложный пируэт и уезжает прочь. Федерико — это Рим. И римляне отвечают ему простой благодарностью — так люди относились, наверное, только к Чаплину. «Федерико, поздравляем!» — кричит ему родной город, вошедший в феллиниевскую гигантскую фреску, его город.

КАК Я БЫЛ НАТУРЩИКОМ

Федерико ФЕЛЛИНИ

В детстве я был очень худым. Худоба, делавшая меня похожим на деревянную куклу, и еще испуганный взгляд привлекли художника Бонфанте Бонфанти, который во что бы то ни стало решил написать меня в большой фреске для новой церкви братьев капуцинов.

Картина была на библейский сюжет, что-то на мотив семи казней египетских, и все же мать моя не очень-то доверяла

Бонфантони; она боялась, что на картине будут изображены голые женщины, пусть даже с ангельскими крыльями, но все равно с обнаженной грудью и животом. Она твердила, что для ребенка это будет потрясением. Пришлось вмешаться самому епископу, этот разбитый параличом старик был овеян ореолом святости. Он сообщил матери, что, понимая ее благородное беспокойство, лично гарантирует безопасность. Он добавил, что участие в работе, порожденной божественным вдохновением, пусть даже и в качестве символа одной из семи казней, не может пройти бесследно: «Жизнь длинна, и что посеешь, то пожнешь». Мать вымыла мне уши, причесала и поручила бабушке отвести в церковь, где по окончании службы начинал работать художник.

До этого я никогда не бывал в церкви вечером. Она показалась мне бесконечно огромной, в темноте под сводами гулко отдавался стук шагов. Бонфантони размещался у алтаря, вокруг него, то ли ради света, то ли ради тепла, горело множество свечей.

Со страшным грохотом он взбежал и спускался по всевозможным лестницам к укрепленным вдоль стен помостам, стоя на них, он и писал фреску. Видно было большое небо с черными тучами, огненные стрелы и языки пламени, внизу разверзлась гора, и стада, пастухи, собаки устремлялись в пропасть, а бурное море вздымало лодки и людей...

Я был так потрясен картиной катастрофы, что один из бормотавших литанию братьев подошел ко мне и подарил мне грецкий орех.

От меня требовалось лежать на животе, воздев руку, словно защищаясь от чего-то, угрожавшего мне сверху (может, именно на меня валились стада и пастухи?), и лицо мое должна была искажать гримаса ужаса.

Но фреска так никогда и не была закончена, потому что епископ умер, а новый не испытывал симпатий к братьям этой церкви. Бонфантони перестали платить, он бросил все и уехал в Бразилию. От меня сохранилась одна рука в самом низу картины, поднятая вверх среди неразберихи овец, лодок, облаков и молний.

Спустя годы мне еще раз довелось позировать, на этот раз для портрета, моего портрета, — в костюме, с шейным платком и слегка растрепанной шевелюрой, потому что «знаменитый портретист» невозмутимо утверждал, будто у меня бетховенская голова. Художника звали Гилья, и мы с тех пор дружим. Рисуя, он во весь голос распевал оперные арии. Затем вдруг неожиданно замолкал на полуслове и начинал пристально меня разглядывать, потом медленно качал головой, выражая тем неудовольствие. Или неестественно поднимал брови, или разевал рот в безудержном смехе, а то кривил его или вытягивал губы, складывая их в бутон розы, взгляд его делался томным или вовсе потухал, он смотрел тупо и устало. Все эти гримасы меня немного тревожили, я подозревал, что он копирует выражение моего лица. Я никогда не представлял себе Бетховена именно таким; я нервничал и чувствовал себя оскорбленным. Также его манера отходить от холста, чтобы удостовериться в получившемся, действовала мне на нервы, он отрывался от картины медленно-медленно, словно пробиваясь сквозь толщу вод, по лицу его бродила ухмылка, не сулившая ничего доброго, и так, пятясь, он проходил всю комнату до двери, и мне всякий раз казалось, что он совсем уходит, я вставал было, чтобы проводить его, но тут он, пыхтя и свистя как паровоз, вновь принимался за работу, бормоча под нос невнятные угрозы и бросая на меня свирепые взгляды.

Потом, на четвертом или пятом сеансе, Гилья взял толстую кисть, самую толстую, какая у него была, запустил в краску цвета какашки, долго мешал там и, ни слова не говоря, начал иступленно мазать кистью по холсту, пока не покрыл всю картину этим мерзким цветом. Затем он радостно всхлипнул, гневно фыркнул, удовлетворенно вздохнул, и мы пошли в бар напротив. Больше о портрете «а-ля Бетховен» речи не заходило.

Так вот неудачно закончилась моя карьера натурщика.

Перевела с итальянского
Е. ЛИВШИЦ

Имя Жужи Полгар хорошо известно в шахматном мире. Она имеет звание международного мастера, в мужском первенстве Венгрии завоевала бронзовую медаль и право участвовать в зональном турнире среди мужчин — такого успеха шахматистки вообще пока не добивались! Наконец, у Жужи Полгар долгое время был самый высокий среди женщин рейтинг — индивидуальный коэффициент, который подсчитывается ежегодно по результатам гроссмейстерских и мастерских соревнований.

Напрашивается вопрос: если венгерская шахматистка так хорошо играет, почему же она еще ни разу не пыталась бороться за женскую мировую шахматную корону? Жужа Полгар на этот вопрос всегда отвечает:

— С женщинами играть мне неинтересно...

Тут требуется, видимо, кое-какое пояснение. Большинство видов спорта исторически разделилось на мужские и женские. Например, мужская и женская гимнастика, плавание, легкая атлетика... В некоторых соревнованиях женщины официально не участвуют, скажем, в поднятии тяже-

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНА

стей. В других — борются на равных с мужчинами: конный спорт. В теннисе существует специальный парный разряд. В шахматах разделение произошло лишь в одном направлении: любая шахматистка, достигнув необходимого уровня мастерства, может быть допущена в мужские соревнования, тогда как мужчины в женских турнирах играют исключительно с тренерской задачей, да и то крайне редко. Опыт показывает, что и женщин, способных сражаться за доской с мужчинами, во все времена было немного. Лишь в последние годы, когда стало ясно, что женские шахматы развиваются быстрее, чем мужские, проблема игры в «смешанном разряде» приобрела остроту. В основном, правда, для самих женщин — им предстояло решить ряд «больших» вопросов. В частности, возможно ли на равных, полезно ли и даже нужно ли играть с мужчинами? Мнения на этот счет разделились.

Майя Чибурданидзе категорически возражает против какого бы то ни было раздвоения шахмат:

— Разве математику можно разделить на мужскую и женскую? Есть просто математика, и есть просто шахматы. Нона Гаприндашвили, пятикратная чемпионка мира, завоевавшая звание гроссмейстера среди мужчин, и ее знаменитая предшественница, тоже чемпионка мира Вера Менчик играли в мужских турнирах весьма успешно. И мне нравится играть в мужских соревнованиях.

Звучит, учитывая авторитет шахматной «королевы», убедительно. Однако у Майи Чибурданидзе нашлось немало оппонентов. И в основном из ближайшего ее окружения. Гроссмейстер Елена Ахмыловская, пытавшаяся в 1986 году оспаривать у чемпионки ее почетный титул, признавалась, что после мужских турниров ей трудно бывает приспособиться к игре с женщинами. И наоборот, после женских — трудно играть в мужских. Ее подруга по сборной СССР — гроссмейстер Лидия Семенова высказалась еще резче:

— Я играла в мужских турнирах два раза, но мне это показалось занятием скучным и утомительным. К тому же там уж очень жестко играют. Да и теряется спортивный интерес: ведь на твоём главном деле это не отражается. А мужчины хотят у тебя непременно выиграть...

Жужа Полгар, как видим, солидарна с позицией Майи Чибурданидзе. Причем, избрав для себя столь необычный путь в шахматах, она намерена не просто с достоинством представлять в мужских соревнованиях «слабый» пол, но и научиться побеждать!

Когда Жуже было четыре года, она выиграла «Пионерскую олимпиаду». Звание мастера было завоевано ею в 30

десять лет. Еще через год Жужу включили в «Турнир надежд» — это соревнование в Венгрии организуется специально для подростков, и до Жужки в нем всегда побеждали мальчики.

Некоторые полагают, что Жужа Полгар вообще избегает встречаться с женщинами за доской. Это неверно. В 1983 году, например, она гостила в Москве и сыграла несколько партий с Наной Иоселиани. Участвовала она и в ряде женских международных турниров. В 1981 году выиграла довольно сильный турнир в Варне, тогда ей едва исполнилось двенадцать лет...

Одним из первых ее «мужских» соревнований был турнир, организованный будапештским клубом «Утаселлато»: двенадцать мастеров и Жужа. Четырнадцатилетняя девочка выдержала экзамен, набрав 7 очков из 12 возможных и заняв почетное пятое место. В числе поверженных оказался и победитель турнира международный мастер Б. Переньи. Со вторым призером чехом Й. Прибылом она сыграла вничью. Но больше изумляли даже не сами победы, а тот стиль, который демонстрировала шахматистка: по-мужски агрессивный, изобретательный, напористый. Она прекрасно считала варианты, маневрировала и атаковала.

В открытом чемпионате Венгрии в 1983 году участвовало 168 человек. Игралось одиннадцать туров. «Швейцарка» — соревнование трудное. Суть в том, что никогда не знаешь, кто тебе попадется в партнеры, так как они определяются лишь накануне тура. Таким образом, роль предварительной подготовки невелика, все решает умение справляться с ситуациями, возникающими по ходу борьбы, а заодно с собственными нервами и страхами. Жужа Полгар оказалась на высоте, встав в турнирной таблице сразу за призерами — 7,5 очка и седьмое место. Очки эти были ей особенно дороги, поскольку давали право на звание международного мастера среди мужчин.

Будапештский успех был закреплен в болгарском Ивайловграде — здесь в самом сердце Родопских гор в 1984 году проводился открытый международный фестиваль шахматистов, посвященный 40-летию социалистической революции в Болгарии. Среди 124 участников соревнования стартовала значительная группа международных гроссмейстеров и мастеров. Жужа Полгар выступила вполне удачно. Так постепенно обретала шахматистка психологическую устойчивость, без которой женщине в мужских соревнованиях просто нечего делать.

Лидия Семенова не очень права, утверждая, что шахматистке участвовать в мужских турнирах сложно ввиду «жесткости игры», которая якобы отличает мужчин. Я бы сказал «жесткость» и бескомпромиссность борьбы свойственны скорее женским соревнованиям. Мужчины давно свыклись с «рационализмом», всецело властвующим ныне в мужских поединках, и за редким исключением гораздо спокойнее воспринимают разрыв между спортивной и творческой сторонами шахматного соперничества. Сотни и тысячи бескровных, лишенных намека на борьбу ничьих, встречающихся в турнирах любого ранга, подтверждают этот невеселый факт. У женщин же подобные запланированные отказы от выяснения шахматной истины случаются реже. Шахматистки пока еще сражаются до полного истребления наличных сил, иной раз даже в ущерб здравому смыслу. Прочие подходы вызывают у них досаду.

Женщины за доской предпочитают не «работать», а творить. Однако и рационализм имеет немало привлекательных сторон. Во всяком случае, он позволяет зачастую добиться желаемого, что называется, малой кровью. Так что Жуже Полгар приходится преодолевать не столько жесткость, проявляемую представителями сильного пола, сколько их универсализм, знания и упорство. А для этого постоянно шлифовать и совершенствовать грани собственного дарования.

Когда-то первый чемпион мира Вильгельм Стейниц говорил, что шахматами лучше заниматься по часу в день в течение всей недели, чем шесть часов кряду. Жужа отводит для них те же шесть часов, только ежедневно... Естественно, она много анализирует, изучает теорию игры, типовые комбинации, атаки и защиты. Она уделяет также

говорит о стремлении понять шахматы как можно глубже.

Ныне Жужу Полгар принимают всерьез все. Мало кто рискует во встречах с ней пускаться в лихие авантюры. Мастера-мужчины внимательно всматриваются в особенности ее стратегии. После турнира в Баден-Бадене (ФРГ, 1985 год) Ефим Геллер, выигравший у Жужки Полгар нелегкую партию, счел нужным в комментариях к этой встрече сформулировать и обобщить принципы игры мужчин против шахматисток, участвующих в мужских соревнованиях. «Многие гроссмейстеры, — писал Е. Геллер, — говорят, что им трудно играть с женщинами. Побеиваются, как бы не проиграть, появляется психологический настрой — выиграть во что бы то ни стало. У меня таких проблем нет. Во-первых, я привык уважать любого соперника, кто бы передо мной ни находился, а во-вторых, я всегда играю по позиции, сообразуясь только с ее требованиями и никакими другими». Партию с Жужой Полгар советский гроссмейстер назвал одной из лучших, сыгранных в турнире.

Гарри Каспаров высказал однажды мысль, по-видимому, глубоко им выстраданную: «Большие победы может одерживать только тот, кто стал личностью. А чтобы она сформировалась, безусловно, требуется время». И к этой истине в семье Полгар относятся со всей серьезностью — и взрослые, и дети. В распоряжении Жужки и двух ее младших сестер — Жофики и Юдиты прекрасно подобранная библиотека в полторы тысячи томов, причем многие книги на русском языке, который Жужа освоила еще в раннем детстве. Кроме того, она неплохо владеет английским и немецким языками, а также эсперанто. Нет, ее жизнь не ограничивается одними лишь шахматами, а личностное взросление помогает и шахматному.

Жужа выросла в шахматной семье. Здесь в тайны 64 клеток посвящены все, причем ее отец, Ласло Полгар, считает, что старшая дочь не отличается по сравнению с двумя младшими какими-то необыкновенными способностями. Может быть, и так, но пока наибольших успехов в шахматах достигла именно Жужа.

Добавим, что ее решение выступать только в мужских соревнованиях наделало много шума. Что скрывать, шахматистки восприняли это известие с некоторым раздражением.

Нона Гаприндашвили, пожалуй, лишь выразила общее мнение, когда сказала на встрече с журналистами:

— Вот Полгар играет только с мужчинами и не скрывает, что хочет стать чемпионом мира. Но ведь это, мягко говоря, нереально. Пусть сначала превосходство над женщинами докажет... Я вовсе не против участия женщин в мужских турнирах. Чибурданидзе вправе себе это позволить. Но я убеждена: сильнейшим шахматисткам мира следует больше заботиться о пропаганде шахмат среди женщин.

Майя Чибурданидзе не согласилась с Ноной Терентьевной:

— А разве успешная игра с мужчинами не лучшая пропаганда? Другого пути просто нет.

Однако тут же добавила:

— Это хорошо, что Полгар играет с мужчинами, но так рекламировать себя, конечно, не следует. Раз в году она могла бы выступить и в женских соревнованиях, хотя бы в официальных.

Жужа никак не отреагировала на критические замечания. Но уровень ее мастерства неуклонно растет. А разве это плохой ответ?

Вадим ЧЕРНЯК

8-167

1. Working on the line just trying
to make a dollar
Along came the boss and he tapped
me on the shoulder
He said I got to make my little light
shine
If I want to keep my job I got to
work it double time
Baby it's our destiny
You know we're living in the 20th
century

Припев:

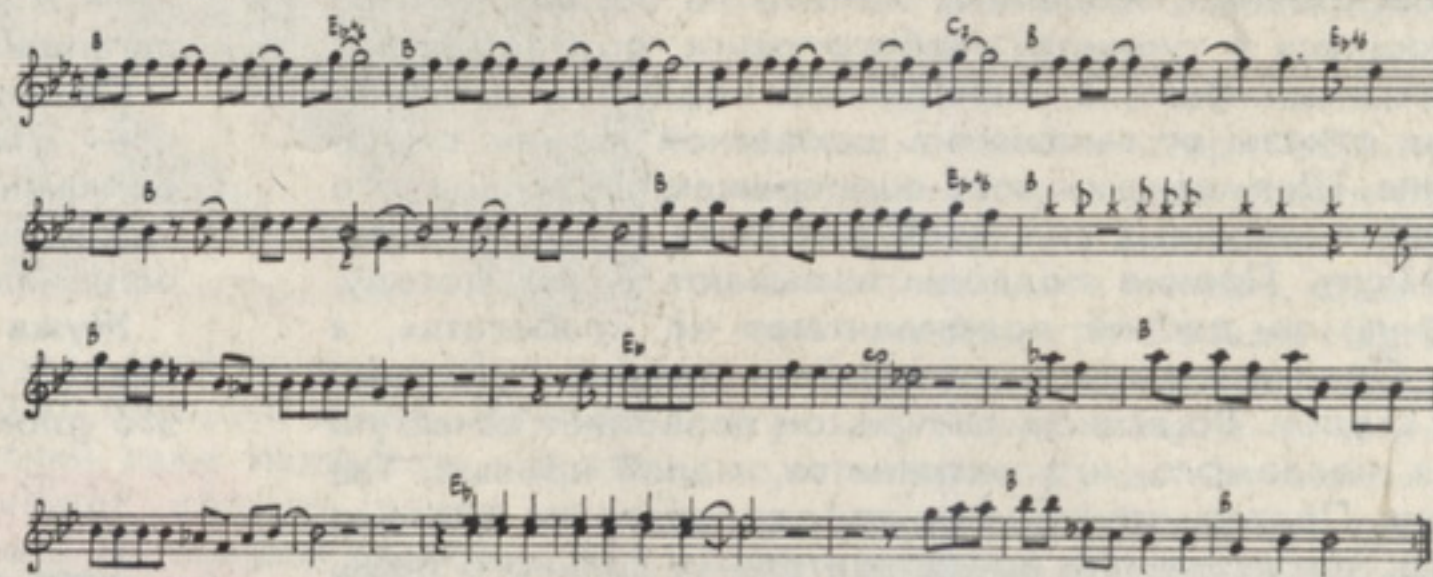
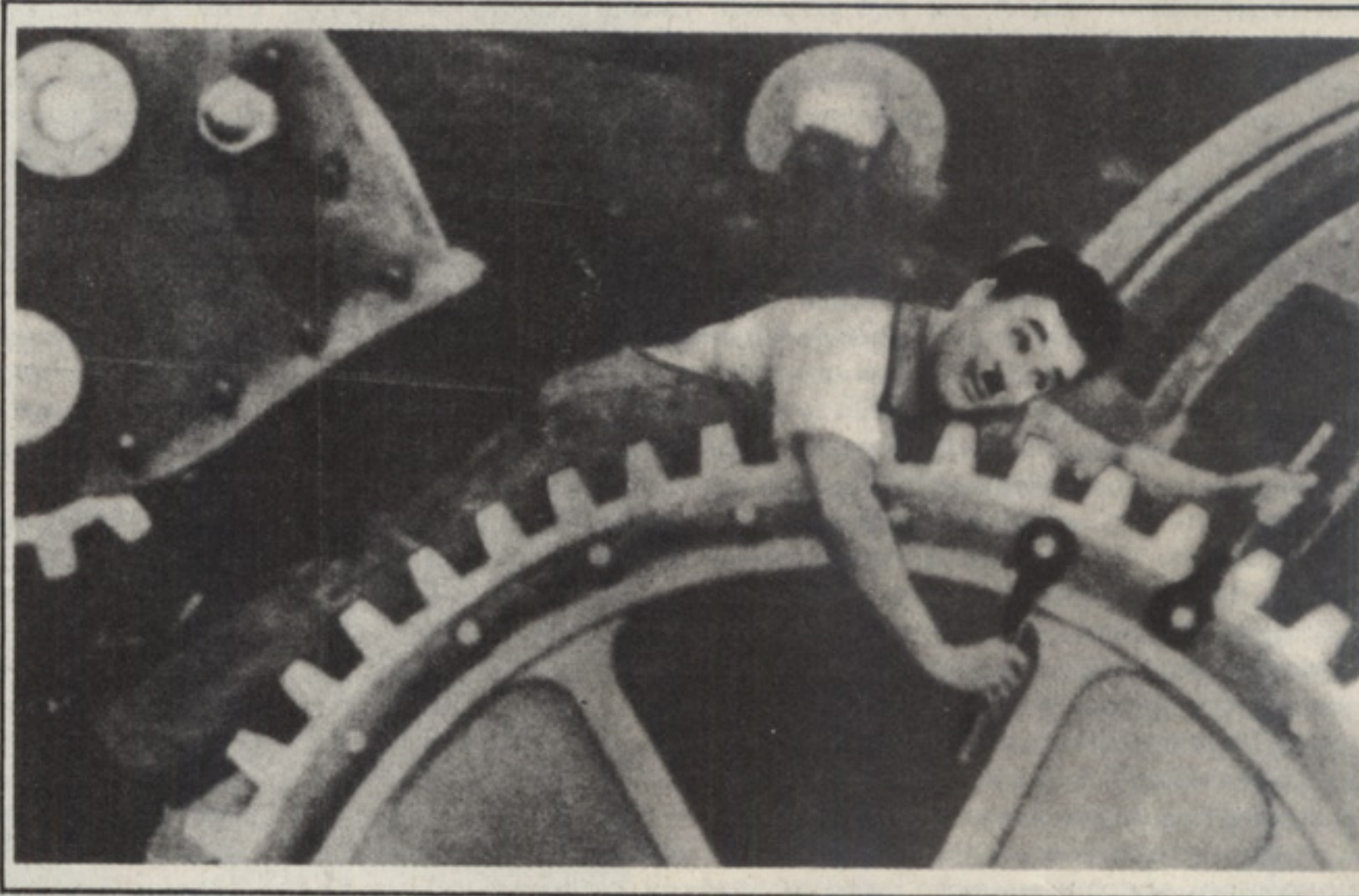
20th century
20th century
Baby it's our destiny
You know we're living in the 20th
century

2. If you're standing on a corner
well you don't stand a chance
You got to have a job if you want
to make romance
I think about my baby nearly all of
the time
But I got to keep on working 'cause
they can't stop the line
Baby it's our destiny
You know we're living in the 20th
century

Припев.

Читатели неоднократно просили нас рассказать о творчестве американского музыканта Стива Миллера — его имя стало популярным у посетителей дискотек благодаря пластинке 1982 года «Абракадабра». Но, надо сказать, этот диск — явление очень не характерное для Миллера, который вот уже двадцать лет работает в стиле блюз-рок. Именно в этом стиле были созданы лучшие пластинки группы «Стив Миллер бэнд» — «Дети будущего», 1968 г., «Шутник», 1973 г., «Книга сновидений», 1977 г.

В конце 1986 года группа выпустила довольно необычную пластинку «Жизнь в XX веке»: здесь песни известных мастеров блюза Вилли Диксона, Лютера Диксона, Джимми Рида, в которых рассказывается о трудной жизни простых людей, здесь и стилизации Миллера, перекликающиеся с композициями, написанными более четверти века назад, — Стив Миллер хотел показать, что в жизни рабочей Америки за эти годы ничего не изменилось... «Хозяин может вышвырнуть меня в любую минуту, если ему покажется, что мой взгляд недостаточно подбострастен», — песня Лютера Диксона «Большой босс», 1960 год, и — «Я гну спину на конвейере за жалкие гроши, и хозяин требует, чтобы я работал еще быстрее, иначе меня вышвырнут вон... Даже чтобы познакомиться с девушкой, нужно иметь работу... Таков XX век», 1986 год. Это заглавная композиция пластинки, текст и ноты которой в сопровождении кадра из фильма Чарли Чаплина «Новые времена» мы публикуем по просьбе читателей. Аранжировка А. Суетина.

АНГЛИЙСКУЮ ГРУППУ

ДЕФ ЛЕППАРД

отличает упорство в преодолении трудностей: музыканты собрались в 1977 году, а первую пластинку выпустили только три года спустя. Лишь в 1983 году к ним пришел настоящий успех — это была пластинка «Пиромания», выполненная в лучших традициях нео-хард-рока. Но вскоре барабанщик группы, Ричард Оллен, попал в автокатастрофу и благодаря настойчивости ударной установки «Истерия». Сейчас «Деф Леппард» — это: Рик Оллен, гитара; Стив Кларк, гитара, и Рик Сэвидж, бас (слева направо).